

1270

172438-

918
Ч-19-Т.

Ша

127688.

К. Б. Чаплевский.

ПРОВЕРЕНО
1958 г.
ПРОВЕРЕНО
1948 г.

ТАЙГА И ЗОЛОТО.

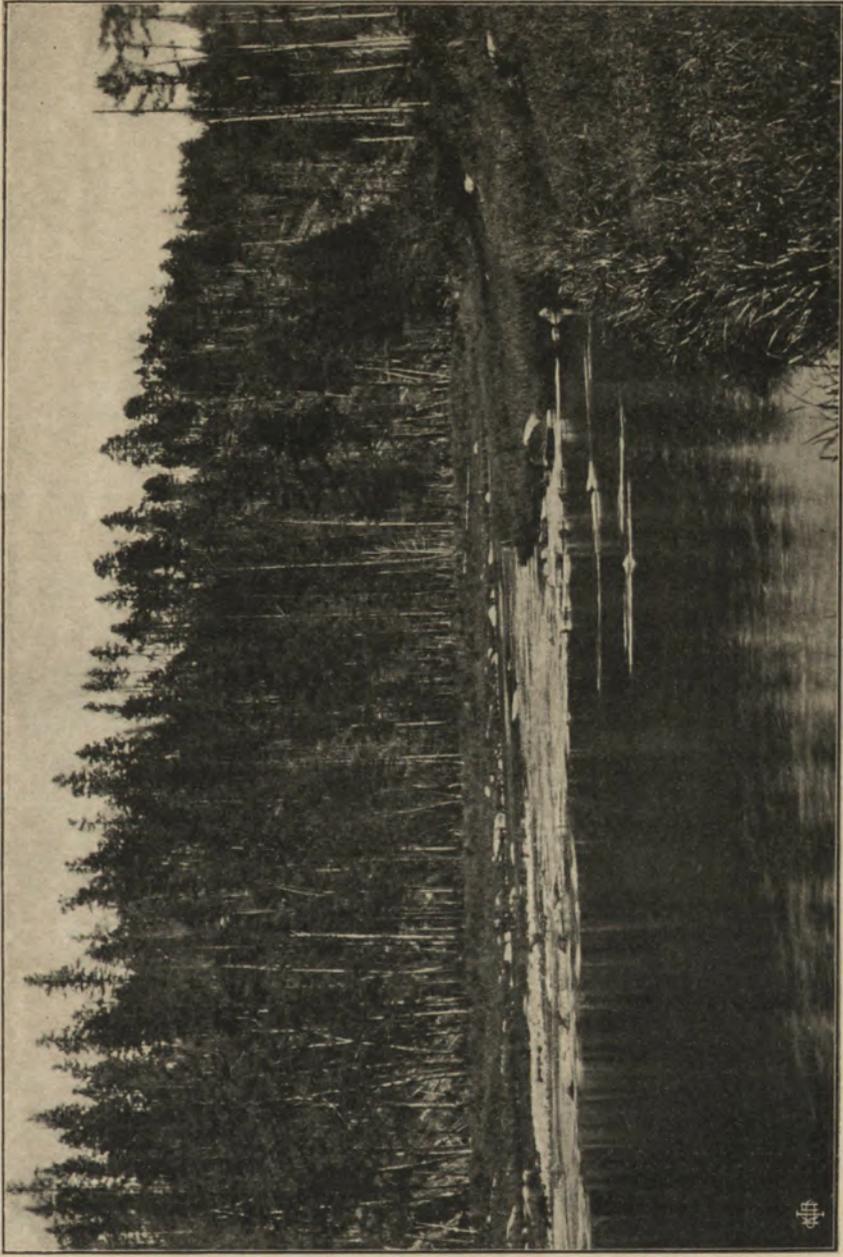
Съ 12-ю рисунками снятыми съ натуры и картою
Восточной части Сибири.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. акц. общ. печати дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 іюля 1899 г.

Тайга и Золото.

Золотыя розсыпи въ гигантской системѣ рѣки Амура стали извѣстны почти съ первыхъ военныхъ экспедицій, предпринятыхъ для занятія Амурской страны (1854—1858 г.).

Генераль-Губернаторъ Восточной Сибири, Николай Николаевичъ Муравьевъ, въ послѣдствіи Графъ Муравьевъ-Амурскій, поручилъ Горному Инженеру, Николаю Павловичу Аносову, розыски золота во вновь приобрѣтенномъ краѣ. Н. П. Аносовъ производилъ эти поиски сначала отъ казны, а затѣмъ, съ разрѣшенія Правительства, продолжалъ ихъ отъ золотопромышленника Дмитрія Егоровича Бенардаки. Ему, за значительныя пожертвованія и услуги во время Крымской войны и при занятіи Амурской страны, было Высочайше предоставлено исключительное право розысковъ и разработки золотыхъ розсыпей по р. Амуру и по системѣ его водъ.

Послѣ открытія богатыхъ розсыпей Н. П. Аносовымъ по р. Ольдою и въ долинѣ р. Джалинды, Д. Е. Бенардаки составилъ компанію какъ для эксплуатаціи приисковъ, открытыхъ Н. П. Аносовымъ, такъ и вообще для веденія золотого дѣла на Амурѣ подъ наз-

ваніемъ—«Верхне-Амурской золотопромышленной К^о;» ей безспорно принадлежит и по сей день главная роль въ развитіи золотаго дѣла въ Амурской области.

Ровно 30 лѣтъ тому назадъ, къ 1-му Октября 1868 г., Верхне-Амурская золотопромышленная К^о намыла въ первый разъ 50 пудовъ и 10 фунт. золота, имѣя рабочихъ 250 человекъ при 120 лошадахъ, выработавъ торфовъ и золотаго пласта 9.500 куб. саж. Разработывая же непрерывно въ теченіи 30 лѣтъ пріиски свои, компанія добыла золота 4.700 пуд. и получила чистой прибыли 32 милліона рублей.

Почти въ то же время, когда образовалась Верхне-Амурская золотопромышленная К^о, Д. Е. Бенардаки составилъ другую К^о съ золотопромышленникомъ Степаномъ Федоровичемъ Соловьевымъ для розысковъ и разработки золотыхъ росыпей въ нижнемъ теченіи р. Амура подъ названіемъ «Нижне-Амурской золотопромышленной К^о».

Въ 1871 году третій Компаніонъ этой К^о Харлампій Петровичъ Тетюковъ, къ которому перешли компанейскіе пріиска, намыль золота на р. Херпучи системы р. Амгуни, впадающей въ р. Амуръ, въ ставкахъ выше города Николаевска, 2 пуда 10 фунтовъ.

Отъ этихъ двухъ первоначальныхъ пунктовъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на 2.500 верстъ и начало мало по малу развиваться золотое дѣло на Амурѣ. Успѣшная и выгодная разработка Верхне-Амурской К^о своихъ пріисковъ на р. Джалиндѣ, привлекла на Амуръ отважныхъ и энергичныхъ людей,—страхъ розысковъ и разработки золотыхъ росыпей въ Амурской странѣ,

по ея малонаселённости и суровости тайги, миноваль, большія и малыя поисковыя партіи бодро повели свое трудное дѣло и открытія богатыхъ золотыхъ росыпей пошли одно за другимъ. Еще недавно, считавшаяся недоступной дикая Амурская тайга, въ которой на всей ея неизмѣримой площади бродили, гоняясь за звѣрями, нѣсколько сотъ номадовъ Ороchonъ, оживилась.

Повалились вѣковыя деревья, засвисталъ паръ, протянулись линіи шоссированныхъ и рельсовыхъ дорогъ, телеграфныхъ и телефонныхъ столбовъ, зазвенѣли церковныя и школьныя колокола, появились кое-гдѣ и зажиточныя деревушки.

Тяжелъ дѣйствительно былъ трудъ пионеровъ золотого дѣла въ Амурской странѣ, но энергія, выносливость, настойчивость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли побѣдили всѣ трудности и опасности. Болѣе 10 тыс. пудовъ золота отвоевано у дикой и негостепріимной Амурской тайги. Изъ цѣнности этихъ 10.000 пуд., достигающей до 180 милліоновъ рублей, не менѣе 50 милліоновъ получили чистой прибыли владѣльцы приисковъ, вся же остальная сумма до 130 милліоновъ или разошлась въ народѣ, или слѣлалась достояніемъ фабрикъ и заводовъ въ Россіи.

Кромѣ приведенныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о не малой пользѣ, принесенной уже Амурской золотопромышленностью общей государственной экономіи, она имѣла и имѣетъ громадное значеніе въ жизни всего Амурскаго населенія.

Безъ всякаго сомнѣнія, возможно утверждать, что золотое дѣло питаетъ и поддерживаетъ преимущест-

венно всю торговлю на Амурѣ, пароходное движеніе, удерживаетъ на выгодной для населенія высотѣ цѣны на личный трудъ и на всѣ продукты земледѣлія и сельскаго хозяйства, начиная отъ зерна и скота и кончая мелкими огородными овощами. Трудно вообразить себѣ, не будучи коротко знакомымъ съ этимъ краемъ, какой мертвый застой царилъ бы въ жизни его слабаго, при томъ еще разбросаннаго на трехъ тысячахъ верстахъ, населенія, если-бы не поддерживало его золотое дѣло. Кому сбывало бы оно продукты своего хозяйства, кому бы нуженъ былъ его личный трудъ и силы его рабочаго скота? На всѣ эти вопросы одинъ отвѣтъ—никому, кромѣ золотопромышленности.

Золотой промыселъ сдѣлалъ уже свое дѣло, онъ же доведетъ его и до конца. Подъ его благоприятнымъ вліяніемъ увеличится и окрѣпнетъ населеніе края и мало по малу станетъ жить своею собственною жизнію. Когда же богатая золотая росыпи выработается и придется разрабатывать бѣдные золотомъ прииски, а затѣмъ рудное золото, (что всегда требуетъ на все умѣренныхъ цѣнъ), тогда придетъ на помощь золотому дѣлу и мѣстное населеніе, поддержитъ его въ свою очередь, ради своей пользы. Неисчерпаемые запасы золота вполнѣ обезпечиваютъ существованіе золотопромышленности на все время, пока этотъ драгоценный металлъ не потеряетъ своего значенія на всемірныхъ рынкахъ.

Не смотря на то, что золотопромышленность имѣетъ большое значеніе въ экономической жизни вообще

всей Сибири и въ нѣкоторой степени въ общей Государственной экономіи—все-таки въ обществѣ упорно держатся о ней самыя сбивчивыя, а часто и вполнѣ несправедливыя понятія. Вся почти литература относится къ ней враждебно и все это дѣло рисуется въ общественномъ мнѣніи чѣмъ-то въ родѣ прототипа кулачничества и самодурства.

Дѣйствительно, въ давно прошедшіе годы, когда во всей Сибири царилъ произволь въ ужасающихъ размѣрахъ, когда тамъ власть администраціи въ крѣпкомъ родственномъ союзѣ съ купечествомъ и съ судомъ играла роль крѣпостнаго права, тогда и на приискахъ творились невѣроятныя дѣла. Все это давно миновало и сохранилось только лишь въ преданіяхъ.

Купеческо-чиновническій комплотъ или, вѣрнѣе, Сибирскіе самозванные крѣпостники были до того могущественны, что съ ними не могъ сладить даже Графъ Сперанскій. Только Графъ Муравьевъ Амурскій повелъ съ ними беспощадную борьбу и, благодаря своей неослабной энергіи и благопріятнымъ условіямъ времени, уничтожилъ господство въ Сибири этой клики на всегда. Онъ же регулировалъ и Сибирскую золотопромышленность и значительно упорядочилъ ее, а Генераль-Губернаторъ Синельниковъ, прославившійся своею прямою и правдивостью, хотя и проявлявшейся не рѣдко въ рѣзкой формѣ, способствовалъ много улучшенію вообще быта рабочаго люда. Положеніе его на приискахъ стало несравненно лучше и опредѣленнѣе, чѣмъ на крупнѣйшихъ фабрикахъ и заводахъ центра Россіи.

Хотя Генераль-Губернаторы Восточной Сибири и прилагали много стараній къ благоустройству вообще золотого дѣла, но по отдаленности приисковъ отъ населенныхъ мѣстъ, по разбросанности ихъ въ суровой тайгѣ и по не имѣнію въ распоряженіи достаточной матеріальной силы, вліяніе Правительственнаго надзора ограничилось преимущественно установленіемъ общихъ правилъ по найму и расчету рабочихъ. Вся же приисковая жизнь, со всѣми своими порядками по отношенію управленій къ рабочимъ, рабочихъ къ управленіямъ и другъ къ другу, все это установилось само собою согласно требованіямъ самой природы золотого дѣла, существеннѣйшихъ интересовъ рабочаго люда, климатическихъ и экономическихъ условій мѣстности и проч. Въ результатѣ получилась спокойная и мирная жизнь на приискахъ, рѣдко, за весьма ничтожными относительно исключеніями, требовавшая вмѣшательства полиціи.

Возникаетъ въ этомъ случаѣ невольно вопросъ, какая сила установила и охраняетъ приисковую жизнь съ ея порядками? Нельзя-же приписать это десятку казаковъ при тысячныхъ командахъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо принять въ соображеніе прежде всего слѣдующее: население тайги состоитъ вездѣ, а въ особенности на Амурскихъ приискахъ, изъ бывшихъ ссыльно-каторжныхъ, изъ пришлаго люда всякаго вида, изъ сибирскихъ старообрядцевъ—безпоповцевъ, изъ сибирскихъ крестьянъ, бывшихъ заводскихъ крѣпостныхъ и проч. Вся эта этнографическая и социальная смѣсь, далеко

не отличается ни робостію, ни угнетенностію, ни покорностію: она приобрѣла себѣ всюду славу самой безпокойной людской среды. Затѣмъ, нужно имѣть еще въ виду, что приисковыя работы принадлежатъ къ разряду почти самыхъ тяжелыхъ работъ, требующихъ всегда большой мускульной силы, выносливости и устойчивости.

Послѣ приведенныхъ выше замѣчаній, отвѣтъ на сдѣланный вопросъ становится повидимому еще болѣе затруднительнымъ, а между тѣмъ онъ и простъ, и коротокъ настолько, что кажется, трудно найти какойнибудь другой.—Заключается онъ въ томъ, что сила, охраняющая приисковые порядки, лежитъ глубоко въ натурѣ русскаго простаго человѣка—это его понятіе о правдѣ и вѣчное искательство ея. Такъ, и только такъ, возможно себѣ объяснить мирное производство тяжелыхъ приисковыхъ работъ тысячами безпокойнаго народа, въ глухой тайгѣ, внѣ всякой полицейской охраны или какой либо другой устрашающей или сдерживающей силы.

Для наглядной характеристики приисковаго люда приведу здѣсь случай, имѣвшій мѣсто въ Амурской тайгѣ въ то время, когда и населеніе самой долины Амура состояло изъ небольшихъ казачьихъ станицъ, отстоящихъ одна отъ другой въ 25—50 верстахъ.

Преслѣдовался возмутительно несправедливо управляющій приисками. Вся тысячная команда, какъ одинъ человѣкъ, встала на его сторону. Никакія подачки, никакія обѣщанія, никакіе соблазны, даже подпаиваніе—ни что, не могло поколебать честное чувство этихъ простыхъ большею частію безправныхъ людей, ни

одинъ человѣкъ не далъ показанія во вредъ (уже выѣхавшему съ приисковъ) ихъ бывшему начальнику. Мало того, таже команда, безъ малѣйшаго участія кого-либо изъ служащихъ, послала къ нему тайно своихъ ходаковъ за 120 верстъ со множествомъ формальныхъ доказательствъ, кознямъ устраиваемымъ противъ него новымъ управленіемъ. Фактъ этотъ памятенъ и теперь еще въ Амурской тайгѣ, и я позволю себѣ спросить: — много-ли найдется такихъ случаевъ даже въ интеллигентныхъ обществахъ?

Мы остановились на характеристикѣ приисковаго рабочаго, въ виду важности ея и не на однихъ приискахъ, а затѣмъ перейдемъ къ описанію самаго золотого дѣла въ Амурской странѣ.

Золотой промыселъ составляютъ три, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого періода развитія: поиски, развѣдка и разработка.

П о и с к и .

Поиски золотосодержащихъ розсыпей производятся партіями, состоящими изъ небольшого числа рабочихъ отъ 5—10 человѣкъ. Каждой партіей завѣдуетъ «Довѣренный» — большею частію человѣкъ, интеллигентный, обладающій крѣпкимъ здоровьемъ, силой воли и извѣстный своему довѣрителю за вполне честнаго человѣка. Последнее качество въ довѣренномъ имѣетъ для довѣрителя главнѣйшее значеніе, такъ какъ довѣ-

ренный этотъ совершенно безнаказанно и безъ особыхъ затрудненій можетъ воспользоваться самъ открытыми имъ богатыми золотыми россыпями и приобрести такимъ легкимъ способомъ громадное состояніе. По этому, кромѣ хорошаго содержанія, ему предоставляютъ всегда нѣкоторое участіе въ эксплуатаціи открытыхъ имъ россыпей въ видѣ паевъ или порудныхъ денегъ.

Кромѣ довѣреннаго имѣется еще штейгеръ или приказчикъ. Ему тоже назначаютъ порудныя деньги. Рабочимъ выдаются единовременно денежныя награды.

Производятся поиски во всѣ времена года; въ Амурской же тайгѣ предпочитается зима, когда передвиженіе партій всегда возможно и нѣтъ «верховой» воды, затрудняющей шурфовку. Впрочемъ зимніе поиски имѣютъ свои важныя неудобства: тогда трудно дѣлать пробы золотоносности въ руслахъ рѣчекъ, выходы золотоносныхъ горныхъ породъ завалены снѣгомъ, а при томъ въ короткіе дни количество рабочихъ часовъ уменьшается. Чтобы сдѣлать зимой поиски болѣе успешными,—прибѣгаютъ часто къ предварительнымъ лѣтнимъ осмотрамъ, а затѣмъ уже отправляютъ на избранныя мѣстности зимнія поисковыя партіи. Однако такое веденіе поисковъ стоитъ всегда очень дорого.

Дня за два до выступленія всѣ заняты раскладкой имущества на выюки. Тутъ уже хозяйничаютъ орочны, какъ большіе мастера своего дѣла, знающіе силы каждаго оленя и привычныя соотвѣтственно этому налаживать выюки.

Орочны принадлежатъ къ Тунгузскому племени—

названіе свое получили отъ слова оронъ, что значить олень, съ оленемъ онъ неразлученъ: въ немъ все его хозяйство и все богатство.

Живутъ орочны всегда въ лѣсу, гдѣ и единственное ихъ занятіе—охота за звѣрями, начиная съ бѣлки и кончая медвѣдемъ.

Жить въ домахъ, они не могутъ даже короткое время. Выходя изъ тайги, они устраиваютъ свои стойбища (юрты) близъ деревень—съ расчетомъ на продажу добытыхъ на охотѣ мѣховъ и шкуръ и для обмѣна ихъ на свинецъ и порохъ, муку, бумажныя матеріи, а также на водку, до которой они всѣ, какъ мужчины такъ и женщины и даже дѣти,—большіе охотники. Народъ, этотъ необыкновенно добродушный, услужливый и честный. Управляются и живутъ въ тайгѣ по обычаямъ вѣками твердо установившимся, въ высшей степени оригинальными и высоко гуманными. Орочны всѣ крещены, но въ то же время придерживаются и шаманства; уживаются въ нихъ эти столь различныя религіозныя понятія какъ то уравновѣшенно: съ одинаковой вѣрой Ороchonъ прибѣгаетъ къ священнику и къ шаману; на бѣломъ оленѣ, посвященномъ лѣсному духу, везетъ онъ въ одной сумкѣ икону, а въ другой идола.

Хотя орочны вообще необыкновенно мирнаго и тихаго нрава,—но вспыльчивы: бывали случаи, когда нарушители коренныхъ ихъ обычаевъ и обидчики платились жизнью (такъ погибъ довѣренный М. Ф. Буйвида).

Стрѣляютъ орочны изъ ружей мѣтко, ножемъ, копьемъ и пальмою владѣютъ превосходно. Они не

только что не трусливы, но скорѣй отважны, въ ходьбѣ не утомимы, переносятъ суровость тайги легко; голодать могутъ изумительно долго, за то, когда есть что, то ѣдятъ цѣлыя дни и ночи непрерывно. Дѣлать запасы впрокъ въ ороchonскомъ обществѣ считается не джентельменствомъ. Всѣ эти качества ороchonъ, дѣлаютъ всѣмъ жизнь въ тайгѣ вполнѣ безопасной: никогда ни одинъ ороchonъ не тронетъ сложенныхъ въ тайгѣ съѣстныхъ припасовъ, товаровъ и проч., считая это тяжкимъ и безчестнымъ преступленіемъ. Ороchonъ маленькаго роста, съ широкими относительно плечами, тонкими почти безъ икръ ногами.

Въ русской деревнѣ они имѣютъ какой-то жалкій видъ, въ тайгѣ же ороchonъ какъ бы перерождается: смѣль, гордъ, смотритъ весело, свободно, какъ слѣдуетъ настоящему гостепріимному и любезному хозяину, словомъ, при встрѣчѣ съ ороchonомъ въ тайгѣ, невольно чувствуешь себя въ гостяхъ у него.

Но вотъ сборы кончились сняли шапки, помолились Богу и партія двинулась.

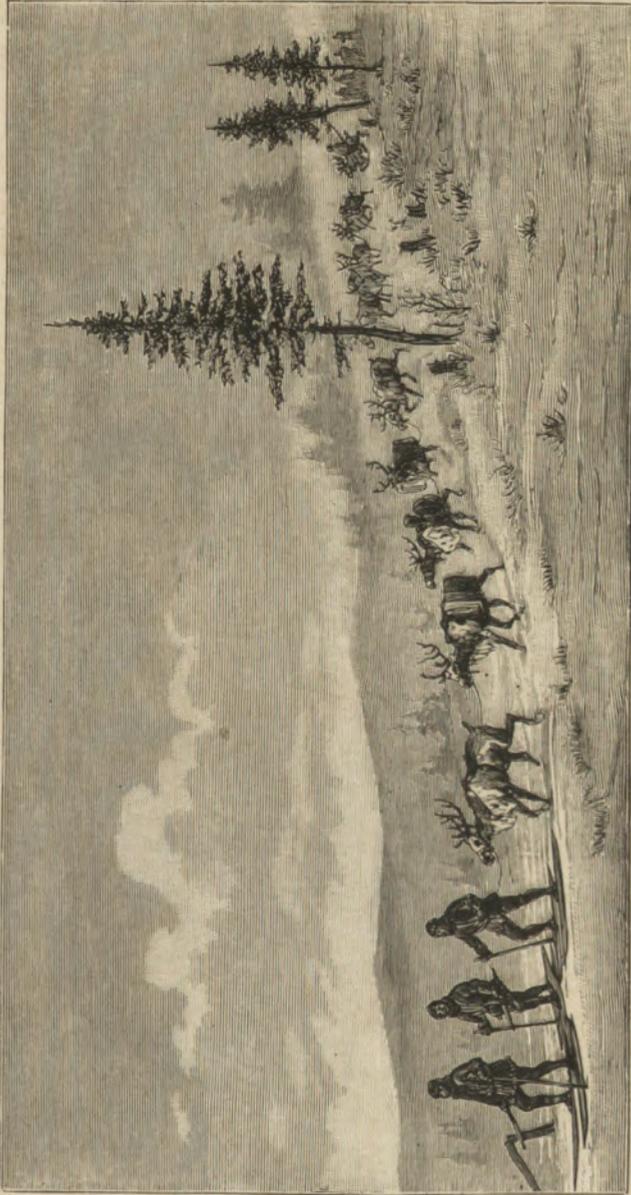
Не долго ждать тайги на Амурѣ, прошелъ часъ, другой и всякіе слѣды человѣческой осѣдлости исчезли и гудитъ уже своимъ особымъ характернымъ голосомъ тайга.

По узкой, твердо утоптовой тропѣ, мастерски проложенной, вдоль извивающейся крутыми поворотами рѣчки, долина которой рѣзко очерчена, поросшими лѣсомъ, горами, двигается поисковая партія.

Стройно и бодро идутъ своей торопливой поступью одинъ за другимъ выюченные олени, не натягивая

даже ремней, ихъ связывающихъ. Каждый сѣдокъ орочонъ ведетъ за собою ихъ 10—15, по тропинкѣ извивающейся въ темномъ словомъ лѣсу между вырванными бурей съ корнями деревьевъ, огромными валунами, свалившимися съ каменныхъ стѣнъ долины. Кажется, что умныя и добрыя животныя сосредоточиваютъ все свое вниманіе на томъ, чтобы не задѣть выюкомъ за дерево и не испортить его. Идеально граціозныя телятки прыгаютъ рядомъ, зарываясь часто въ глубокій снѣгъ и какъ бы тѣшась своей граціей и ловкостью и ласково-любовно смотрятъ своими большими прекрасными глазами на нихъ матки. Игра эта до того красива, что на нее заглядываются даже и угрюмыя рабочіе. Думается невольно, изъ за чего, чего ради служить это животное человѣку? Его не кормятъ, не оберегаютъ отъ хищниковъ, не стерегутъ даже; иѣльный день несетъ онъ на своей хрупкой спинѣ тяжелый выюкъ и затѣмъ его отпускаютъ искать свободно себѣ пищу, которую добыть онъ можетъ, разрывая снѣгъ нерѣдко до двухъ аршинъ толщиною. А между тѣмъ ему достаточно нѣсколькихъ мгновений, чтобы исчезнуть въ глухой чащѣ изъ глазъ даже и орочонскихъ привычныхъ и зоркихъ, и быть далеко внѣ всякой власти человѣка.—Становится непонятнымъ, чѣмъ человѣкъ могъ прельстить его и съ такою безпредѣльною преданностью привязать къ себѣ. Да, не понятно, но мало-ли что не понятно и въ жизни людей?

Солнце ушло далеко за полдень: косвенные лучи его играютъ золотистымъ свѣтомъ на снѣжной пеленѣ, на зелени безконечнаго лѣса, придавая всему тысячи

тѣней и отѣнковъ; выступила вся сіяющая снѣжная вершина уже близкаго Гольца. Лѣса на немъ нѣтъ, виднѣется только кое-гдѣ кустарный кедръ—сланникъ, затѣмъ исчезаетъ и онъ и величественный обрисъ снѣжнаго гиганта и рѣзкими линиями уже выдѣлился на синевѣ неба.

Завтра предстоитъ переваль черезъ него—пора на ночлегъ. Проводникъ орочонъ давно уже внимательно озирается кругомъ и вотъ дорожка спустилась въ густой ельнякъ, сушнику видно много, рѣчка тутъ же, привольно здѣсь ночевать. Десятка минутъ не прошло, а уже выюки въ стройномъ порядкѣ сложены рядами, снѣгъ разгребли для ночлега, срубили уже сухія деревья, изъ нѣсколькихъ кряжей сложенъ костеръ. Полукругомъ настланы толстымъ слоемъ молодые, тонкіе ароматичные побѣги лиственницы, упругіе, лучше всякаго пружиннаго тюфяка. Затрещалъ, вспыхивая какъ порохъ, ерникъ (родъ таежной смолистой ракиты), задымился костеръ и выбрасываются уже языки пламени. Люди собираются вокругъ него. Навѣшаны на таганы котлы, чайники. Глыбы чистаго льда запасены. Лыжи сняли, оскребли отъ льда и уставили у стволовъ деревьевъ; олени давно уже вдали звенять колокольчиками. Всѣ усаживаются у костра на навѣтренной сторонѣ, очищаютъ оледенѣвшую обувь; на спины накинули отъ холода полушубки или озямы, всѣ сидятъ на корточкахъ и грѣются, заслоня по временамъ глаза и лицо ладонями отъ жарко горящаго костра; курятъ, весело гуторятъ. Закипаетъ вода въ котелкахъ, кошеваръ крошитъ кирпичный чай: вотъ онъ и готовъ.

Напившись чая съ сухарями, кто съ солью, кто съ сахаромъ, принимаются, отдохнувъ немного, за щи— кашу. Покончивъ съ ней, начинаютъ укладываться спать.

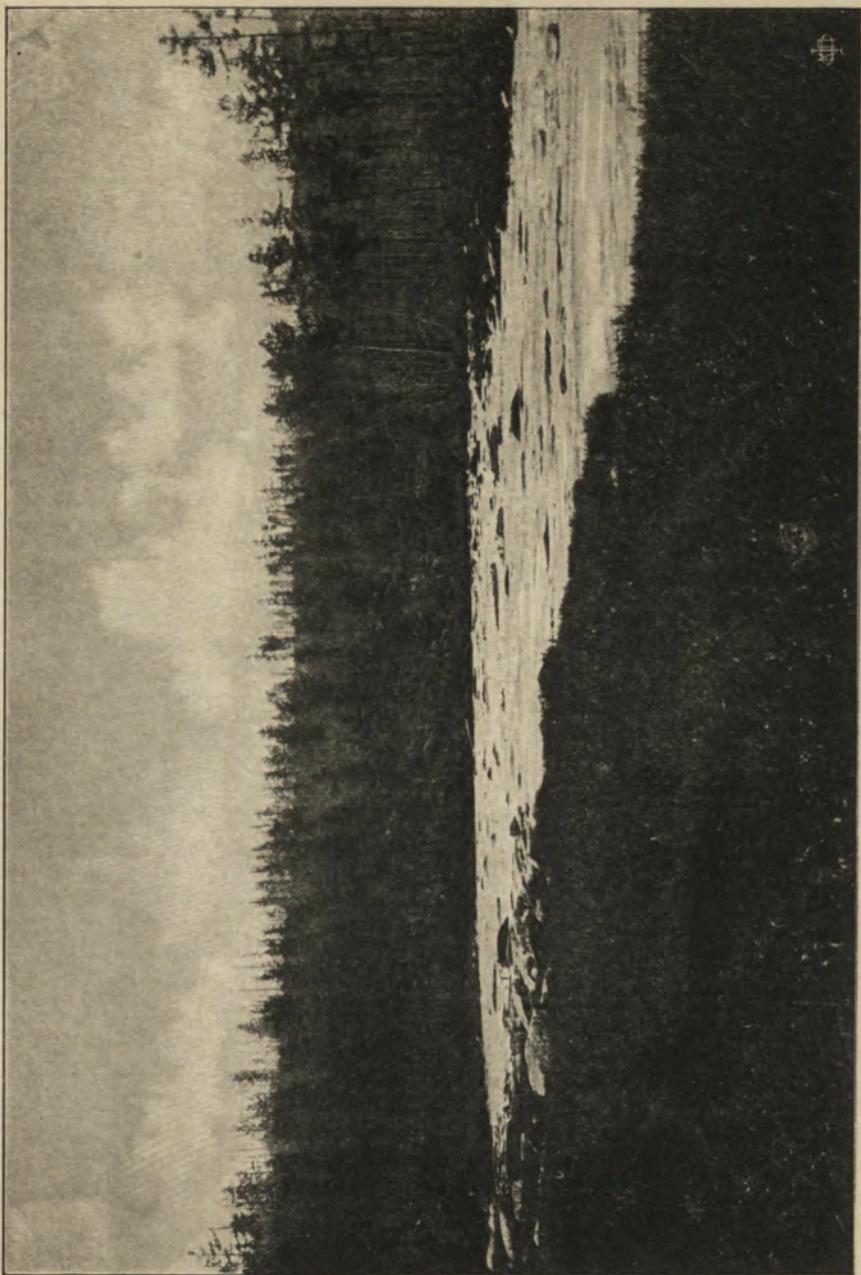
На костерь положены самыя толстыя кряжи, снявъ обувь и устроивъ ее такъ, чтобы она за ночь высохла, закутываются во все, что у кого есть теплаго, хотя со стороны костра и жарко даже, но морозъ за 20° не щадить противоположной стороны тѣла. Закутались всѣ съ головою и смолкли, раздается только одинъ дружный храпъ.

Тяжела, мучительна для новичка таежная зимняя ночь, если крѣпкій сонъ не унесетъ его тревожныя мысли далеко, далеко отъ этого пылающаго ярко костра. Таинственный гулъ тайги, въ ночной зловѣщей тишинѣ при однообразномъ пощелкиваніи и гуденіи костра мало-по-малу взвинчиваетъ нервы. Напрягается невольно слухъ, но уловить какой-нибудь знакомый звукъ нельзя, а между тѣмъ потребность слушать и вслушиваться растетъ и растетъ. Вотъ что-то щелкнуло и опять настаетъ таже зловѣщая тишина, опять начинается тоже тревожное вслушиваніе, путаются мысли, невольно открываются глаза: яркимъ свѣтомъ залиты пышная зелень могучихъ елей и гладкія стволы сосенъ; за ними непроницаемый густой мракъ, слышится глухой звукъ упавшаго чего-то мягкаго. И опять напрягается слухъ до того жуткаго состоянія, когда раздраженные нервы начинаютъ тяготиться силой тишины, которая длится безъ конца. Вдругъ тутъ же гдѣ-то очень близко что-то хрустнуло, будто насту-

пилъ кто-то на сухую вѣтку. Кто же это такими длинными промежутками нарушаетъ эту ужасную тишину? Это шелкнуло сухое дерево, треснувшее отъ мороза, шаловливая бѣлка уронила комъ снѣга, прыгая съ дерева на дерево, хруснула же воровка лиса, подбирающаяся къ костру, чуткій носъ указалъ ей вѣрную здѣсь добычу. Но вотъ пересталъ пылать костеръ, сѣлъ на жарь, какъ говорятъ, видна громадная только куча расколенныхъ углей, мракъ сталъ еще гуще, вверху видны звѣзды. Холодъ сталъ ощутительнѣе, стали пошевеливаться люди, сжимаясь колачикомъ и подкатываясь бессознательно ближе къ костру. У нѣкоторыхъ уже начало коробить тулупы, кое-кто проснулся, выжидаютъ, чтобы кто-нибудь рѣшился подживить костеръ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ опять ярко запылалъ, посыпались снопами искры, за клубился дымъ, выкинулось языками пламя и опять тишина... опять томительное напряженіе слуха и кажется конца нѣтъ этой ночи... Опять исчезло пламя, видны уже поблѣвшія звѣзды, пахнуло вѣтеркомъ, зашатались величаво верхушки сосенъ. Холодъ сталъ еще чувствительнѣе, кичиги высоко... Наконецъ-то благодѣтельный сонъ прекращаетъ ночную истому.

Проснулись, — опять длинной вереницей потянулась партія, то теряясь въ лѣсной чащѣ, то подымаясь на крутые мысы узкой долины. Ее уже часто сжимаютъ горы отвѣсными скалистыми стѣнами. Рѣчка, сбѣгающая каскадами, теперь скованными морозомъ въ ледяные причудливые запруды, показываетъ, что уже близокъ конецъ ея долины. Узкой полоской ельниковъ

потянулись путники по склону Гольца, а затѣмъ потерялись на снѣжной его вершинѣ. Сосновый боръ широкой лентой покрываетъ нижніе уступы Гольца, стройныя, красивыя сосны сплетаются своими кудрявыми верхушками высоко надъ снѣжной пеленою, покрывающей ихъ корни. Нельзя забраковать здѣсь ни одного дерева: каждое годно на всякую затѣйливую постройку. Тутъ же, неправильными куртинами и въ одиночку, красуются могучіе кедры, рѣзко отличаясь своею нѣжною пушистою зеленью. Болѣзненно сжалось бы сердце лѣсопромышленника при видѣ такой массы добра, пропадающей даромъ и пропадетъ это драгоценное добро, когда лѣсной пожаръ пожретъ его съ его корнями. Неожиданно прорѣзываетъ дремучій боръ прямая широкая просѣка, здѣсь стройныя могучія деревья вырваны съ корнями или сломаны на одной высотѣ отъ нихъ и повалены правильно всѣ въ одномъ и томъ же направленіи, какъ какая-нибудь конопля. Становится просто не вѣроятнымъ это явленіе, но оно передъ глазами и стало быть сомнѣнію нѣтъ мѣста. Эта работа бѣшеннаго урагана, сорвавшагося съ вершины Гольца. Одинъ онъ, да пожаръ хозяйничаютъ здѣсь по своему, властно и на полномъ просторѣ. Чѣмъ ближе къ Гольцу, тѣмъ болѣе рѣдѣетъ лѣсъ. Сосны постепенно уступаютъ свое мѣсто лиственницѣ. Затѣмъ ближе къ Гольцу видны только кое-гдѣ кривыя и низкорослыя деревца, смѣняемая въ свою очередь полярнымъ кустарникомъ изъ тѣхъ же почти породъ, которыя невдалекѣ внизу красуются своими могучими стройными особями.

Выходитъ изъ района лѣсовъ и партія. Тропа часто становится еле замѣтной; олени начинаютъ оступаться и проваливаться въ глубокомъ снѣгу. Раздается вдругъ рѣзкій крикъ—«помогите, помогите» и вслѣдъ за тѣмъ не удержимый хохоть, что такое?.. Захворавшаго рабочаго посадили на оленя, но такъ какъ на оленѣ нужно сидѣть непремѣнно съ поднятыми высоко колѣнями (что съ непривычки очень тяжело), то догадливый малоросъ связалъ свои колѣни (какъ было ему удобно) черезъ сѣдло полотенцемъ. Когда олень споткнулся, сѣдокъ упалъ въ снѣгъ головой и повисъ на рогахъ у оленя, который началъ мотать вверхъ и внизъ головою, чтобы избавиться отъ непріятной для него тяжести и затѣмъ продолжалъ погружать висѣвшаго—головою въ снѣгъ. Долго потомъ не давала команда бѣднягѣ покою напоминаніемъ этого непріятнаго для него случая, да и онъ послѣ такого неудачнаго дебюта садиться на оленя не рѣшался: «умру лучше, чѣмъ стану ѣздить на козулѣ»—говорилъ онъ.

Тропа совсѣмъ исчезла. Снѣгъ большею частію еще рыхлый, караванъ останавливается: выюки надвигаютъ ближе къ шеямъ оленей. Всѣ, кромѣ однихъ орочонокъ, надѣваютъ лыжи и идутъ правильно налаженной веренищей, въ струнку одинъ за другимъ по слѣдамъ проводника, стараясь накатать одну лыжницу. По таковой идутъ уже свободно, почти не проваливаясь въ снѣгъ, сначала верховые, а затѣмъ и выючные олени.

Стало облачно. Вѣтеръ рѣзкими порывами мететь снѣгъ, какъ песокъ; появились не то клубы пара, не

то бѣлая дымка надъ вершиной Гольца, какъ говорить здѣсь—«закурился Голецъ». Слышится глухой гулъ со свистомъ и невольно становится всѣмъ жутко. Да и есть отъ чего: усилится мятель, закружится сухой снѣгъ, ничего не будетъ видно; нельзя даже открыть глазъ,—рѣжетъ ихъ холоднымъ вѣтромъ и залѣпляетъ снѣгомъ. Тогда не трудно сбиться съ пути и опытному ороchony-проводнику. Опредѣляетъ онъ свое положеніе направлениемъ вѣтра, но и вѣтеръ въ этихъ случаяхъ мѣняетъ часто свое направленіе. А сбиться съ пути очень опасно, весьма легко сорваться гдѣ-нибудь съ утеса или, что бываетъ чаще, доведется кружить на небольшомъ пространствѣ, изнемоchъ тогда уже легко, а затѣмъ и замерзнуть. Опытъ говорить, что въ такихъ случаяхъ лучше всего, развьючить и отпустить на свободу оленей, самимъ остаться тутъ же съ выюками, зарыться въ снѣгъ всѣмъ въ кучѣ и ожидать пока стихнетъ пурга. Въ виду такой весьма возможной катастрофы идутъ въ гору быстро и не смотря на холодъ и вѣтеръ, всѣ остаются въ однихъ курткахъ или въ озямахъ, и при этомъ все таки всѣ въ поту. Часа два продолжается этотъ тяжелый подъемъ на Голецъ, а вершины его все еще не видать. Уже не разъ казалось что вотъ, вотъ послѣдній уступъ его, но, поднявшись туда, передъ глазами снова вырастаетъ другой. Останавливаются, чтобы передохнуть и поправить сползшіе выюки, и опять шагаютъ впередъ, хотя ноги уже и плохо управляютъ лыжами. Однако всему бываетъ конецъ: острый гребень Гольца уже тутъ, еще немного ходьбы и вдругъ открывается спереди и сзади

дивная понорама безконечныхъ цѣпей горъ; вблизи сначала онѣ рѣзко раздѣляются другъ отъ друга рѣзкими отгѣнками зелени, а затѣмъ чѣмъ далѣе, тѣмъ плотнѣе сливаются они въ какое-то фантастическое море зелени.

Немного отдохнувъ, поправивъ на оленяхъ вьюки теперь уже здвинувъ ихъ назадъ начинаютъ спускаться.

Оказывается, что спускъ гораздо круче подъема. На лыжахъ въ лѣсу могутъ идти только ловкіе ходаки орочны, да и они рѣдко безъ прямой нужды рискуютъ сбѣгать внизъ на лыжахъ. Не зная хорошо мѣстности, весьма легко разшибиться при малѣйшей неосторожности о дерево или свалиться гдѣ-нибудь съ отвѣснаго обрыва. Кое-какъ доползаетъ караванъ до лѣса. Зорко всматривается во всѣ деревья проводникъ и вдругъ круто поворачиваетъ въ сторону и радостно вскрикиваетъ «Самолга», партія значитъ находится на большемъ таежномъ трактѣ. Самолгой называютъ орочны таежный знакъ, — это небольшая вѣтка, защемленная въ затеси сдѣланной на деревѣ; тонкій конецъ ея завитъ кольцомъ. Если эта вѣтка свѣжая, и если кольцо это загнута тутъ же у самой затеси, то обозначаетъ, что надо идти по направленію вѣтки, т. е. самолги и что въ разстояніи нѣсколькихъ только верстъ встрѣтится орочонское стойбище. Если же между кольцомъ и затесью оставлены небольшія вѣтки, то сколько этихъ вѣточекъ, во сколько дней ходьбы остановился тотъ, который сдѣлалъ самолгу.

Осмотрѣвъ внимательно слѣды на тропѣ или даже

только ощулавъ ихъ рукою, орочонъ всегда правильно опредѣлить, что прошелъ здѣсь въ послѣдній разъ на оленяхъ тогда-то и тогда-то караванъ, и если слѣдъ свѣжій, то угадываютъ даже сколько прошло подъ выюками и сколько подъ сѣдоками оленей.

Найденная самолга обозначала, что стойбище въ самомъ близкомъ разстояніи, и дѣйствительно, не болѣе чѣмъ черезъ полчаса спуска, уже послышался лай собакъ, начали попадаться кормящіеся олени, а затѣмъ показался и дымокъ изъ юртъ, — партія на стойбищѣ.

Все населеніе стойбища мужчины, женщины, дѣти всѣ дружно принялись за привычную работу: выюки стройно уложены и закрыты елками, нарублены мелкія дрова, разведенъ огонь, навѣшены на таганахъ котлы и чайники—утомленные тяжелымъ переходомъ люди отдыхаютъ. Всю работу по устройству стоянки сдѣлали гостепріимные благодушные орочоны, устроившіеся ранѣе на стойбищѣ, согласно твердо установившемуся таежному ихъ обычаю.

Съ добродушнѣйшими поклонами принесли они самыя вкусныя куски мяса дикаго оленя, даже и лакомѣйшіе цумгуны оказались тутъ, (кости ногъ содержащія мозгъ) продуктъ сегодняшней удачной охоты. Это тоже таежный обычай, никакой уплаты не требуютъ, такъ какъ самый продуктъ по праву принадлежитъ остановившимся съ ними на стойбищѣ.

Орочонское таежное право поражаетъ высокою гуманностью, правдивостью; только, таежная суровая, полная всякихъ лишеній и ужасающихъ случайностей

жизнь, могла создать ихъ. Ни гдѣ и ничѣмъ кажется не доказывается такъ убѣдительно та великая истина, что только испытавшій самъ тяжелое горе, можетъ понимать горе другого и сочувствовать ему. А тайга безусловно жестоко-враждебна ко всѣмъ людямъ одинаково. Въ ней всякій ничтожный прутикъ врагъ человѣка: при малѣйшей неосторожности выбьетъ онъ глазъ или разсѣчетъ лицо до крови.

Краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ высокой гуманности таежныхъ ороchonскихъ обычаевъ служить тотъ несомнѣнный фактъ, что у нихъ всегда самыми богатыми бывають вдовы, оставшіяся послѣ погибшихъ мужей съ малолѣтними дѣтьми. По ихъ обычаю, напримѣръ, убившій звѣря на охотѣ не можетъ самъ имъ распорядиться, если онъ не кочуетъ одинъ. Первую лучшую часть получаетъ вдова, часто и шкуру, вещь самую цѣнную; затѣмъ мясо дѣлятъ на всѣхъ, составляющихъ въ данное время стойбище. У кого много оленей, тотъ отдаетъ перваго родившагося теленка вдовѣ-же, кочевать же со вдовою вмѣстѣ считается залогомъ удачъ и счастья. Такое же право имѣеть больной и одинокій. Отказъ приюта въ юртѣ считается преступленіемъ, больному или одинокому принадлежитъ лучшее мѣсто.

Всѣ изъ случившихся въ юртѣ принимаютъ равное участіе въ ѣдѣ и питьѣ чая и пр. Безъ всякихъ приглашеній въ каждой работѣ принимаютъ участіе всѣ, словомъ здѣсь царитъ полная ассоціація всякой помощи не только другъ другу, но и всякому человѣку, попавшему въ тайгу. Это общее гостепримство ороchonъ,

ихъ добродушіе, вражденная честность и мягкость характера, много облегчали тяжелое положеніе въ тайгѣ первоначальныхъ поисковыхъ партій и во многихъ случаяхъ спасали ихъ отъ неминуемой гибели. Н. П. Аносовъ, Веберъ въ тифѣ, голодные были спасены ороконами.

Еще до восхода солнца довѣренный съ приказчикомъ и нѣсколькими ороконами съ ружьями за плечами, съ длинными таежными посохами (палка съ кольцомъ на концѣ) въ рукахъ, шагаютъ одинъ за другимъ на лыжахъ для осмотра мѣстности, чтобы начать шурфовку. На этомъ склонѣ Гольца, обнаженные отъ снѣга утесы и скалы оказались прожилеными кварцами, однообразно крупно-зернистыя граниты противоположнаго склона смѣнились сланцами и другими болѣе благоприятными въ золотопромышленномъ смыслѣ горными породами. Долины рѣчекъ здѣсь глубокія, словомъ, разрушительная сила видимо работала здѣсь съ большей энергіей. Поднявшись на гору, командующую окрестной мѣстностью, съ помощью ороконъ, знакомится довѣренный съ ея топографіей, — безъ ороконъ въ такихъ случаяхъ обойтись трудно. Не свыкшемуся съ тайгой человеку не узнать даже и той долины, въ которой онъ не задолго поредь тѣмъ былъ, все сливается въ его глазахъ, на всемъ видимомъ имъ горизонтѣ, въ одно зеленое море тѣней и оттѣнковъ. Разобраться въ нихъ можетъ только привыкшій къ такимъ картинамъ глазъ орокона. Благодаря ихъ наглядному способу объясненія, окружающая мѣстность вырисовывается совершенно рельефно, достигаютъ же

они этого очень просто: наломавъ мелкихъ прутиковъ одной мѣры, укладываютъ ихъ согласно съ направлениемъ долинъ рѣчекъ въ натурѣ. Каждая такая палочка обозначаетъ условно положимъ пять часовъ ходьбы или одинъ переходъ (до 15 верстъ), гдѣ полдень указываютъ особымъ знакомъ, высокіе отличительные конусы горъ тоже, такимъ образомъ получается цѣлая карта тутъ же на самомъ мѣстѣ, на снѣгу передъ глазами.

Послѣ ознакомленія такимъ способомъ съ мѣстностью и предназначенія что желательно осмотрѣть до вечера, закусивъ сушенымъ мясомъ, юколой ¹⁾, сухарями идутъ далѣе; при этомъ полагается непремѣннымъ условіемъ не расходиться далеко другъ отъ друга, но условіе это исполняется рѣдко: какой-нибудь свѣжій слѣдъ звѣря заставляеть любаго орочона нарушить всякія обѣщанія, да и довѣреннаго увлекаеть далеко въ сторону любая талая рѣчка, оригинальные развалы горъ и проч.

Быстро скатившись съ горы, всѣ скрылись въ заросшихъ лѣсомъ долинахъ, только одинъ проводникъ кое-какъ держится еще вблизи довѣреннаго, но и онъ начинаетъ нервно вглядываться въ слѣды звѣриные.

Съ ближайшей горки опять видно ясно, черезъ горѣлый ельникъ, не замерзшее цѣлое плесо рѣчки. Сюда разумѣется быстро скользить на лыжахъ довѣренный. Зимой это считается находкой для золотоискателя,—

¹⁾ Примѣчаніе. Юкола сушеная на солнцѣ рыба, преимущественно кита, родъ семги, ею преимущественно кормятъ ѣздовыхъ собакъ.

таежныя же рѣчки мелкія, теченіе ихъ быстрое и едва покрытые водой рѣчники конечно найдутся,—а рѣчники эти, всегда составляютъ наглядный результатъ работы разрушительной силы, дѣйствующей и дѣйствовавшей въ данной мѣстности; разсыпное же золото является тоже прямымъ продуктомъ исключительно этой дѣятельности силъ природы.

Штуцеръ и лыжи прислонены къ дереву, у довереннаго въ рукахъ мелкій большой ковшъ, съ нимъ онъ пробирается по камнямъ къ рѣчникамъ, набираетъ ихъ съ жадностью, стараясь взять какъ можно глубже и начинаетъ ихъ промывку. Погрузивъ ковшъ съ рѣчниками въ воду, мѣшаетъ онъ ихъ палочкой и, наклоня ковшъ, сливаетъ воду съ верхнимъ слоемъ песка. Повторяя эту не сложную операцію, онъ постепенно доходитъ до того, что въ ковшѣ остается на днѣ ничтожное количество сѣраго песка съ мелкими черными крупинками желѣзняка и всякаго другаго тяжелаго металла. Освѣтивъ дно ковша, онъ качаетъ его легонько обѣими руками. Оставшійся въ немъ песокъ съ небольшимъ количествомъ воды легко движется по дну ковша, въ этомъ осадкѣ мельчайшая золотинка, вслѣдствіе своего большаго удѣльнаго вѣса, остается почти неподвижной и становится ясно видимой. Повторивъ такую пробу нѣсколько разъ и оставшись по видимому довольнымъ полученными результатами изслѣдователь съ каждой такой пробы старается мокрымъ пальцемъ ухватить эту едва примѣтную пылинку. Онъ ее кладетъ себѣ въ ротъ, а по этой таежной примѣтѣ, такое почтеніе оказывается только одному золоту.

Съ довольнымъ лицомъ, внимательно всматриваясь въ очертаніе долины, бойко шаркая лыжами, идетъ довѣренный впередъ, переходя съ одной стороны на другую, не замѣчая ни свѣжихъ слѣдовъ оленей, ни траншей въ снѣгу надѣланныхъ глухарями, ни свиста рябчиковъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ. Эхо отчетливо повторяетъ его раза три,—черезъ нѣсколько мгновений винчестеръ у него въ рукахъ на готовѣ. Доносится до него громкое отрывистое уханье—это подастъ голосъ лось. Охотникъ присѣлъ, чтобы лучше видѣть между пнями деревьевъ мѣстность. Дѣлая отчаянные прыжки въ глубокомъ снѣгу, положивъ громадные рога свои на плечи, старый лось окрашиваетъ свои слѣды кровью. Раздается снова громкій выстрѣлъ, за нимъ другой и огромное животное еще дѣлаетъ усиліе, чтобы подняться для высокаго прыжка, но падаетъ на бокъ. Слышится отрывистое храпѣніе, затѣмъ все смолкаетъ—лось уже мертвый, быстро приближается къ нему съ пальмой ¹⁾ орончъ, которому остается только начать сдирать теперь шкуру, чтобы она не успѣла примерзнуть къ мясу.

Солнце близится къ закату, мало-по-малу собираются орончы. Ни малѣйшихъ признаковъ ни радости, ни удовольствія никто изъ нихъ не выказываетъ. Между тѣмъ оказывается, что день вышелъ вполне удачнымъ: убиты лось, два дикихъ оленя, нѣсколько глухарей. У орончъ считается величайшей безтактностью

¹⁾ Пальма длинный тяжелый ножъ крѣпко вдѣланный въ древку, какъ коще самое любимое и самое употребительное оружіе и орудіе—замѣняющее топоръ.

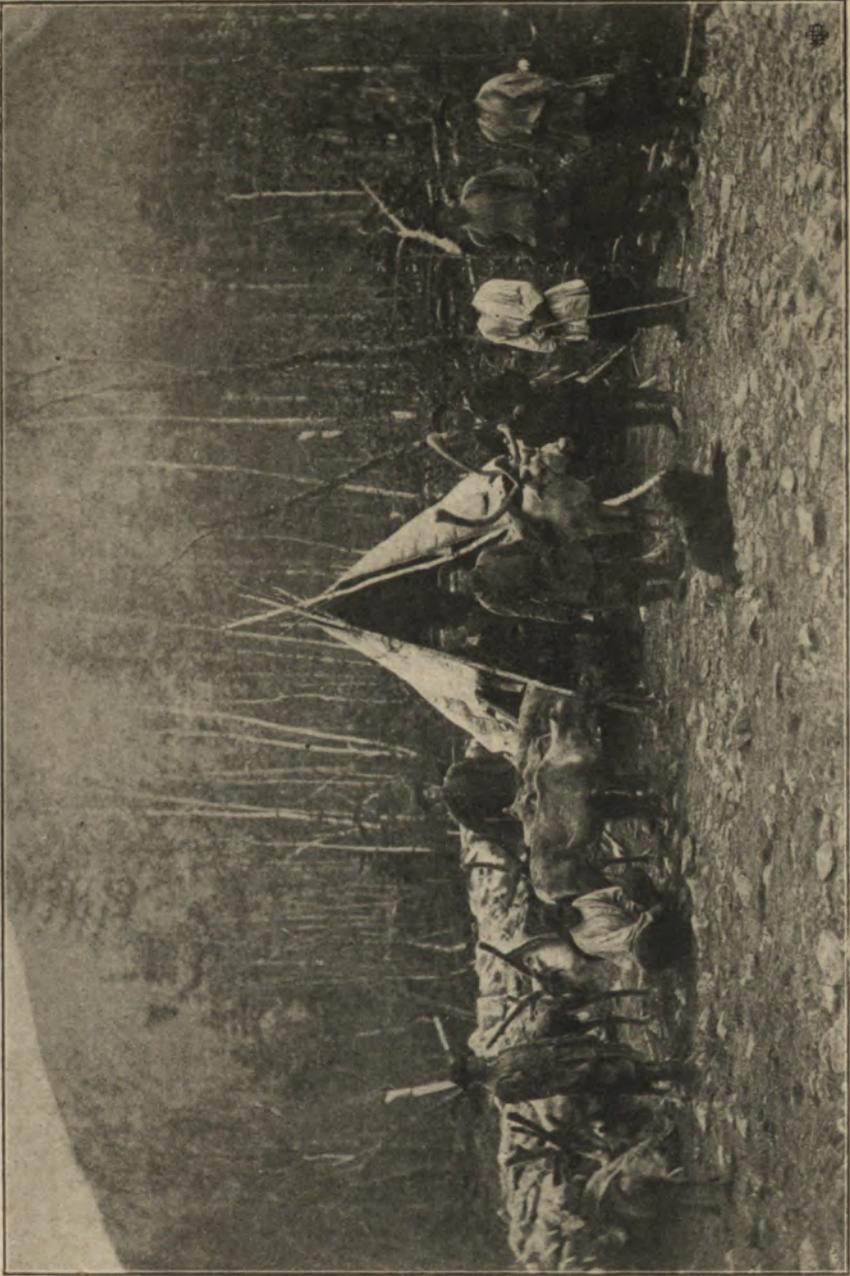
не только хвастаться удачей на охотѣ, но даже какъ нибудь выказать, что она его хотя сколько-нибудь занимаетъ: возвратится ороchonъ съ охоты, убивши съ величайшей для себя опасностью медвѣдя, и все таки, долго сидитъ онъ молча передъ огонькомъ, напьется чаю, поѣстъ что случится и только тогда уже, какъ будто что-то вспомнить и скажетъ совершенно равнодушно, что надо идти туда-то и убрать убитаго звѣря, вороны могутъ испортить шкуру.

За то послѣ, когда пойдетъ пиръ горой, особенно подогрѣтый водкой, начнутся самые подробные рассказы, вполне по охотничьи, не забываются ничтожнѣйшія подробности, ни про одно движеніе ни свое, ни звѣря; приправляется все это поэтической фантазіей въ родѣ того, что думалъ звѣрь, что думалъ онъ самъ, что думалъ воронъ, (который непременно долженъ при этомъ фигурировать ¹⁾).

Послѣ удачной охоты, цѣлыя ночи всѣ ороchоны проводятъ за ѣдой, а поисковая партія принимается за шурфовку. Тяжела она для рабочихъ и еще тяжелѣе для довѣреннаго.

Шурфомъ въ золотопромышленности называется яма, квадратная или другой формы, верхняя площадь которой рѣдко превышаетъ одну квадратную сажень. Если онъ выкапывается въ твердомъ грунтѣ, то нату-

¹⁾ По убогой мифологіи ороchonской, воронъ меньшей братъ ороchона, почему если летитъ куда-нибудь воронъ, то ороchonъ идетъ за нимъ; если же идетъ куда-нибудь ороchonъ, то летитъ за нимъ воронъ.— такъ какъ ни ороchonъ ни воронъ по пусту не стануть шататься по тайгѣ.

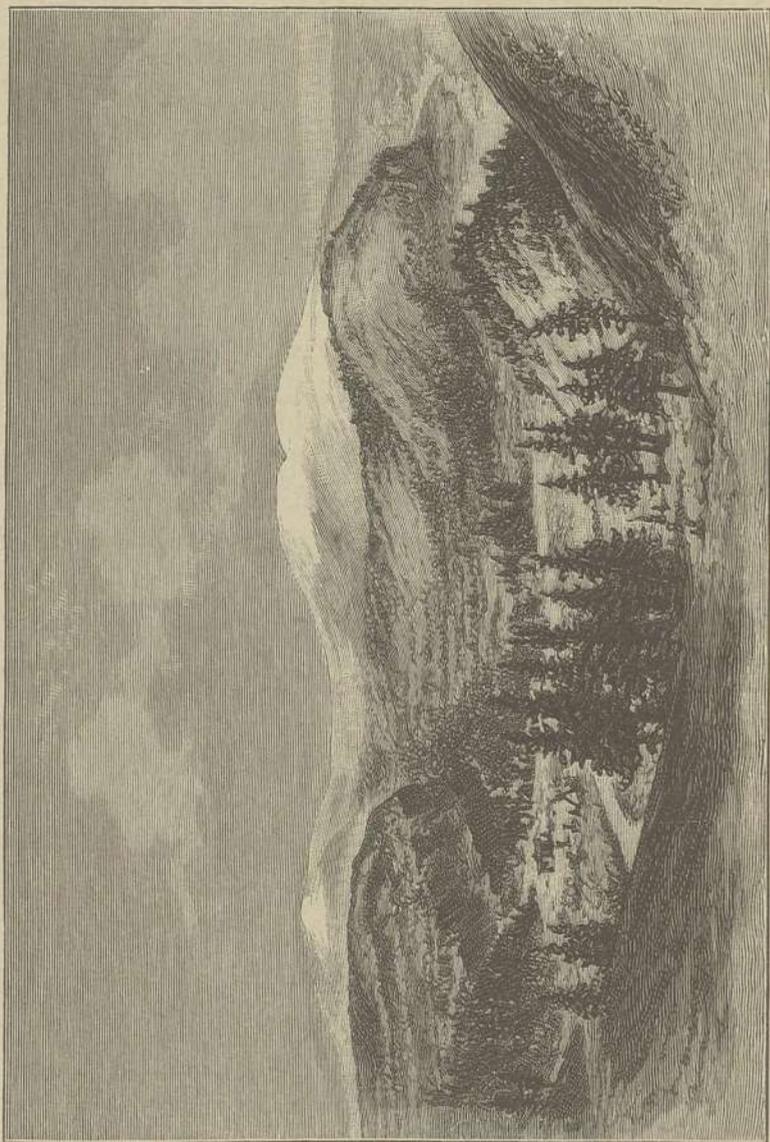

ральныя стѣны его ведутъ отвѣсно, если же въ слабѣ, то бока обшиваются лѣсомъ или въ видѣ сруба, или вертикальными стойками (палями). Какъ та, такъ и другая обшивка называются крѣпями. Шурфъ составляетъ въ золотомъ дѣлѣ единственное средство для опредѣленія присутствія золота въ розсыпи въ томъ количествѣ, которое требуется для эксплуатаціи. Кромѣ шурфа въ этомъ случаѣ ничего другого не извѣстно. Практика указываетъ: что золото распространяется по долинѣ не равномерно, а только узкой полосой, что полоса эта не всегда лежитъ въ срединѣ долины, а приближается то къ одной, то къ другой ея сторонѣ, что въ самой полосѣ своей золото почти никогда не бываетъ распространено равномерно, а напротивъ очень часто залегаетъ какъ бы гнѣздами или кустами. Положеніе и видъ камней, сопровождающихъ золото, указываетъ на то, что они были нанесены теченіемъ водъ, слѣдовательно казалось бы нельзя не допустить того же самаго движенія и для золота, между тѣмъ въ дѣйствительности часто встрѣчаются прямыя тому противорѣчія. Распределеніе золота въ количественномъ отношеніи по вертикальному разрѣзу розсыпи бываютъ преимущественно такія, что вверху расположены слабыя его знаки, затѣмъ оно постепенно сгущается, доходитъ въ срединѣ до максимальной пропорціи, а затѣмъ съ тою же постепенностью слабѣетъ. Но бываетъ и на оборотъ, что самое крупное и богатое золото лежитъ иногда въ самомъ низу, на постели розсыпи.

Перечень упомянутыхъ выше аномалій въ залеганіи

ніи и сложеніи золотыхъ розсыпей указываетъ на вѣроятное ихъ происхожденіе отъ ряда многихъ и сложныхъ разрушительныхъ силъ природы, дѣйствовавшихъ можетъ быть и въ разныя геологическія эпохи.

Такъ напр., залеганіе розсыпей часто противорѣчитъ установившемуся мнѣнію, что онѣ образовались въ той долинѣ, въ которой находятся, силою текущихъ водъ, разрушавшихъ золотосодержащія горныя породы въ извѣстный геологическій періодъ времени. Какъ же объяснить крутое прекращеніе розсыпи и появленіе ея на склонахъ горъ и въ сосѣднихъ долинахъ въ поперекъ направленія существующихъ нынѣ долинъ? Объясненіе можетъ быть въ этомъ случаѣ одно, что розсыпь эта образовалась при другомъ рельефѣ мѣстности, не имѣющемъ ничего общаго съ теперешнимъ. Не возможно тоже придавать температурѣ, водѣ и воздуху исключительнаго значенія въ распредѣленіи золота въ розсыпи и въ участіи при разрушеніи горныхъ породъ. Въ противномъ случаѣ, чѣмъ и какъ объяснить себѣ тогда шлифовку твердѣйшихъ діоритовыхъ породъ правильными плоскостями? Чѣмъ въ тоже время оправдать появленіе рѣзко вычерченныхъ прямыхъ линій на этихъ плоскостяхъ, что безусловно невозможно для капельно-жидкихъ тѣлъ? Затѣмъ, какого же происхожденія могутъ быть неправильные изломы тѣхъ же твердыхъ галекъ внѣ ихъ слоистости, куски которыхъ часто возможно сложить въ первоначальную глыбу, даже при тѣхъ условіяхъ, что они являются всегда слегка окатанными и находятся въ розсыпи въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

Геніальный Ляйель объясняетъ это явленіе движеніемъ эйсберговъ и глетчеровъ—изслѣдованіе мѣстности въ Швейцаріи послѣ прохода глетчера, подтвердило вполне это дедуктивное его допущеніе. Такія свойства золотыхъ розсыпей исключаютъ всякую возможность найти какое бы то ни было общее руководящее правило или начало, которое могло бы хотя сколько нибудь облегчить трудную задачу поисковыхъ партій. Въ ихъ полномъ распоряженіи имѣется только одинъ шурфъ, да счастливая случайность.

Какой то таежный острякъ придумалъ мифическую теорію образованія золотыхъ розсыпей. Онъ говоритъ, что золото было похищено врагомъ рода человѣческаго у ангеловъ. Избѣгая преслѣдованія, дьяволъ задѣлъ мѣшкомъ съ золотомъ за скалу и разорвалъ его: золото начало сыпаться на землю, а дьяволъ зажималъ прорѣху руками. Гдѣ ему удавалось плотно зажать дыру, тамъ и нѣтъ на землѣ золота, гдѣ же не удавалось—тамъ оно оказывается. Этой теоріей обыкновенно и разрѣшаются всякія горячія отстаиванія разныхъ теорій въ таежныхъ спорахъ,—предъ самыми кричащими фактами.

Ко всѣмъ трудностямъ, съ которыми приходится бороться поисковымъ партіямъ, необходимо еще прибавить соперничество ихъ другъ передъ другомъ. Соперничество это не дозволяетъ долго засиживаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, а то непременно явятся конкуренты и постараются захватить всѣ сосѣднія долины. Приходится невольно ограничиваться бѣглою шурфовкой и основывать свои заключенія о каче-

ствѣ розсыпей на основаніи пробитыхъ, нѣсколькихъ шурфовъ.

Выборъ мѣста для шурфовъ въ силу всего сказаннаго выше, всегда имѣеть для поисковыхъ партій важнѣйшее значеніе; бывало множество случаевъ, что неудачное расположеніе въ долинахъ рѣкъ шурфовъ, было единственной причиной потери даже и богатѣйшихъ приисковъ. Руководящей идеей въ этомъ случаѣ служатъ всегда индивидуальныя понятія назначающаго мѣста для шурфовъ и кромѣ того еще и матеріальныя средства, имѣющіяся въ его распоряженіи. Если довѣренный напр. въ упомянутой здѣсь сравнительно сильной партіи, вѣритъ что золотыя розсыпи образовались теченіемъ воды, то онъ выбереть то мѣсто долины, гдѣ площадь ея правильно окаймлена горами, гдѣ нѣтъ свала ни большихъ камней, ни оползней грунта съ боковыхъ мягкихъ горъ, гдѣ не мыслимы выносы изъ второстепенныхъ развалинъ горъ, могущіе нарушить такимъ образомъ правильность сложенія золотого пласта. Если же изыскатель не вѣритъ ни въ какія теоріи, то закладываетъ шурфы по минутному вдохновенію, избѣгая только такихъ мѣстъ, гдѣ можно предполагать и нынѣ происходящія измѣненія напластованія долины: какъ-то при впаденіи боковыхъ рѣчекъ, при нагроможденіяхъ валуновъ и проч.

Кто изъ изыскателей выигрываетъ и достигаетъ вѣрнѣе цѣли, практика не даетъ положительнаго отвѣта, но нѣкоторые богатѣйшія открытія обязаны преимущественно случайному вдохновенію.

Предполагая воспользоваться постоянными моро-

зами, такъ какъ термометръ въ тайгѣ зимой рѣдко подымается выше 10° ниже нуля на случай встрѣчи талого грунта и при не разлучной съ нимъ водой, закладываютъ линіи шурфовъ, рассчитывая по два, а иногда по три шурфа на человѣка. Хотя такой способъ шурфовки, нѣсколько повидимому замедляетъ полученіе результатовъ, но зато онъ даетъ болѣе опредѣленный выводъ, захватывая большую площадь долины. Въ случаѣ-же появленія воды, онъ даетъ возможность подвигать углубленіе шурфовъ посредствомъ болѣе продолжительной проморозки, не задерживая въ то-же время общаго хода работы.

При расчетѣ производства шурфовки восемью рабочими, назначаютъ на главной рѣчкѣ двѣ линіи: одну выше впаденія какой-нибудь боковой рѣчки, другую ниже—обѣ изъ шести шурфовъ. На нихъ ставятъ по три человѣка въ линію. Остающихся двухъ человѣкъ назначаютъ на пробивку линіи шурфовъ въ боковой рѣчкѣ, падающей съ другой стороны главной долины и затѣмъ еще два человѣка временно помогаютъ скалывать мерзлый грунтъ, заготовлять дрова для оттаиванія грунта въ шурфахъ и для приготовления всего необходимаго для промывки пробъ. Какъ только иль и тундра сколоты и покажется мерзлая глина съ камнемъ, начинаютъ класть въ шурфы пожоги; за ночь мерзлота при отсутствіи прослойковъ льда оттаиваетъ до $\frac{1}{2}$ аршина. Тогда талую землю выбрасываютъ въ порядкѣ на одну какую-нибудь сторону шурфа, преимущественно обращенную къ вершинѣ рѣчки, на тотъ случай, чтобы защитить шурфъ отъ случайной

воды, иногда выступающей изъ промерзшей гдѣ-нибудь до дна рѣчки.

Изъ этого грунта уже слѣдуетъ брать по временамъ пробы, но когда въ немъ появляются рѣчники, то уже пробы дѣлаются обязательными.

Пробы промываютъ на вашгертахъ. Устройство ихъ самое простое: изъ трехъ толстыхъ досокъ (1—1¹/₂ вершк.), поставленныхъ на ребро, скалчиваютъ родъ рамы. Ширина досокъ этихъ не превышаетъ 4-хъ вершк., длина боковыхъ 1¹/₂—ширина ³/₄ арш.; на нижней части двухъ параллельныхъ боковыхъ досокъ дѣлаютъ пазъ, въ который плотно вкладываютъ одна къ другой дощечки, составляющія такимъ образомъ дно, получается трехъстѣнный ящикъ. Въ двухъ верхкахъ отъ поперечной доски, плотно ко дну пригибаютъ параллельно ей еще доску, то-же поставленную ребромъ на днѣ ящика, не много уже трехъ боковыхъ досокъ. Этотъ, открытый съ одной боковой стороны и сверху ящикъ въ отгороженной у третьей не параллельной части боковины и называется вашгертомъ. Ставятъ его наклонно къ открытой четвертой сторонѣ. Въ отгороженную часть льютъ воду, которая переливаясь черезъ перегородку, течетъ ровной струей по дну ящика съ требующеюся быстротою. Помѣщенные у перегородки пески и растираемые вблизи ея гребками будутъ уноситься водою. Искусство промывки заключается въ томъ, чтобы размыть глину до одной мути, не допуская водѣ уносить и мельчайшіе ея комочки. Достигается-же это постояннымъ подыманіемъ уносимыхъ комковъ къ перегородкѣ и въ растираніи

ихъ, что въ смѣси съ камушками происходитъ быстро. Когда вода сдѣлается болѣе или менѣе свѣтлой, т. е. когда глина вся превратится въ муть и скатится, съ дна вашгерта начинаютъ сбрасывать постепенно камешки, до тѣхъ поръ пока на днѣ вашгерта не останется незначительнаго количества самаго тяжелаго мелкаго песку съ черными шлихами, т. е. съ мелкими зернами желѣза и другихъ тяжелыхъ металловъ, въ томъ числѣ и золота, какъ самаго тяжелѣйшаго. Тогда мельчайшія золотины обнаруживаются совершенно ярко, находясь всегда у самой перегородки (или голочки), ихъ снимаютъ тонкимъ совочкомъ, высушиваютъ и взвѣшиваютъ. Песокъ или пласть засыпаютъ на вашгертъ ведрами, вѣсъ коихъ съ грунтомъ опредѣленъ. Пробы берутъ съ каждой $\frac{1}{4}$ арш. глубины, полученное золото записываютъ въ шурфовочномъ журналѣ,—каждая проба отдѣльно, съ обозначеніемъ и четверти, съ которой оно получено.

Работы въ поисковыхъ партіяхъ начинаются до восхода солнца. Рабочіе выбрасываютъ оттаявшую землю и снова кладутъ пожегъ, если признаковъ талого грунта не замѣчается. Если есть основаніе предполагать близость его, то оставляютъ шурфъ для проморозки. Вечеромъ, выбросивъ опять талый грунтъ, кладутъ пожегъ на ночь. Къ 7 часамъ работы оканчиваются.

Для промывки устанавливается, прочно близъ рѣчки вашгертъ и посредствомъ жолоба проводятъ къ нему воду. Чтобы оттаивать обледенѣвшее дно вашгерта всегда имѣется горячая вода. Если нѣтъ воды,

то промывка усложняется, дѣлаясь весьма затруднительной и медленной. Тогда приходится превращать въ воду глыбы льда или снѣгъ, что требуетъ много дровъ: устройства резервуаровъ для воды, а иногда приходится пользоваться обратной мутной водой, уже участвовавшей въ промывкѣ.

Такъ однообразно идутъ дни за днями, но все-же углубленіе шурфовъ происходитъ быстро. Когда-же появляется вода въ шурфахъ, все измѣняется къ худшему, нужно устраивать помпы, если откачивать ведрами невозможно.

Въ поисковыхъ партіяхъ прибѣгаютъ къ помощи помпъ въ рѣдкихъ случаяхъ, когда по полученнымъ уже хорошимъ знакамъ золота въ верхнемъ пластѣ является полная необходимость получить пробы съ неглубоко уже лежащаго пласта. Тогда и всю команду ставятъ на одинъ шурфъ. Если и такимъ образомъ нельзя управиться съ водою, то пробиваютъ тутъ-же другой шурфъ и уже ведутъ его со всевозможною осторожностью, давая время хорошо промерзнуть таликамъ, пропускающимъ воду. Для скорѣйшаго промерзанія опускаютъ на дно шурфа имѣющееся желѣзо, бревна, всякіе другіе лучшіе проводники тепла, чѣмъ вода. При сильныхъ морозахъ и при небольшой глубинѣ шурфовъ это часто удается.

Полученное отъ промывки пробъ золото въ поисковыхъ партіяхъ, стараются взвѣшивать безъ свидѣтелей, желая скрыть результаты шурфовки по возможности даже отъ рабочихъ. Хотя это не очень легко, а часто и невозможно, но тѣмъ не менѣе дѣлается

изъ предосторожности, чтобы не распространились слухи объ открытіи богатаго золота и тѣмъ избавиться отъ непрощенныхъ и всегда нежелательныхъ сосѣдей.

Пробившись напрасно нѣсколько недѣль и не достигнувъ желанныхъ результатовъ, партія двигается далѣе по тайгѣ въ томъ-же порядкѣ, останавливается по временамъ для такихъ-же шурфовокъ. Такъ уныло волочится у нея день за днемъ цѣлые безконечные зимніе мѣсяцы, пока не наткнется она гдѣ-нибудь на сносное золото. Не всѣмъ однако выпадаетъ на долю такое счастье: изъ десяти искателей находятъ золото развѣ одинъ человѣкъ.

Въ мартѣ начинается осѣдать снѣгъ. Масса его уплотняется, на поверхности образуется кристаллическая корка, на которой солнечные лучи играютъ мириадами отраженій до того сильными, что никакіе глаза, даже и орошонскіе, не могутъ ихъ выносить: необходимо надѣвать очки или сѣтки или просто деревянные трубки, что всѣ и дѣлаютъ. Безъ такихъ предосторожностей возможно, если не потерять зрѣніе, то во всякомъ случаѣ поплатиться жестокой болью глазъ, избавиться отъ которой возможно только пребываніемъ въ темнотѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней, а иногда и цѣлой недѣли.

Въ концѣ марта скопляется подъ снѣгомъ вода, воздухъ становится замѣтно болѣе влажнымъ; появляются на небѣ темныя тучи, приближается весна: и поисковыя партіи спѣшатъ выбраться изъ тайги. Однако результаты шурфовки не рѣдко заставляютъ продолжать поиски и весною.

Весна въ амурской тайгѣ въ полномъ смыслѣ слова очаровательная; кто дышалъ весеннимъ таежнымъ воздухомъ, тотъ не забудетъ амурской весны во всю свою жизнь. Въ чемъ именно заключается эта прелесть, — описать трудно, — она результатъ всей суммы явленій, производимыхъ оживающей послѣ почти полугодовой летаргіи природы. Какъ горныя работы, такъ и передвиженія партій весною становятся затруднительными. Подснѣжная вода требуетъ прежде всего огражденія работъ водоотводными канавами. Углубленіе шурфовъ посредствомъ проморозки становится невозможнымъ; просачивающаяся рѣчками вода заставляетъ часто отливать ее съ помощью помпъ. Самыя стѣнки шурфовъ приходится крѣпить. Хотя снѣгъ покрываетъ вездѣ еще долго землю, кромѣ крутыхъ склоновъ и обрывовъ, обращенныхъ къ югу, но внизу подъ нимъ стоитъ вода. Накопляясь все болѣе и болѣе, она ищетъ себѣ выхода, прорываетъ глубокія траншеи, посредствомъ которыхъ врывается въ долины, затопляетъ ихъ, и ходьба на лыжахъ прекращается.

Переправы черезъ рѣчки становятся часто опасными, но привыкшаго къ борьбѣ съ природой таежника они не останавливаютъ. Пока вода идетъ поверхъ льда рѣчки проходятъ вбродъ. Когда-же быстрые ея потоки сдѣлаютъ глубокія промоины, то устраиваются таежные мосты. Для этого рубятъ высокія деревья, растущія на самомъ берегу, направляютъ ихъ при паденіи поперекъ рѣчки, переправляются по нимъ на противоположный берегъ, валятъ и тамъ дерево на срубленное. Къ этимъ деревьямъ подваливаютъ еще

дерево или два, настилають вѣтви и мохъ,—и мость готовъ. Вся-же операція требуетъ не болѣе двухъ—трехъ часовъ времени, и партія съ оленями и со всѣмъ своимъ скарбомъ продолжаетъ двигаться по другой сторонѣ бурной рѣчки. Такихъ переправъ приходится сдѣлать не одну въ продолженіи дня. Весною въ такое время ноги у всѣхъ безъ исключенія мокры: такой обуви, которая-бы не пропускала воды продолжительное время, не существуетъ на свѣтѣ, да и ни одинъ таежникъ за нею и не погонится. Всякіе сапоги въ тайгѣ не годны: они не предохраняютъ отъ мокроты, затрудняютъ движеніе и только калечатъ ноги. Приходится въ этомъ случаѣ подражать ороконамъ: носить легкія ичиги,—т. е. родъ туфель или вѣрнѣе лаптей, обматывать всю ногу до колѣнъ шерстяной матеріей и туго стягивать ее ремнями. Хотя вода и проходитъ черезъ эту обувь свободно, но зато при ходьбѣ она также свободно и вытекаетъ, ноги быстро согреваются, ходить легко и неутомительно.

Казалось-бы, что при такой жизни, когда цѣлые дни приходится бродить по водѣ, тифы и всякія воспаленія должны быть обыденными явленіями, но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не бываетъ. Если и бывали случаи заболѣванія тифомъ, то болѣзнь эта занесена была въ тайгу изъ деревень. Объяснить возможно этотъ несомнѣнный фактъ только могучимъ и благотѣльнымъ вліяніемъ на организмъ человѣка чудодѣйственного таежнаго воздуха.

Когда появятся проталины и станутъ лопаться разбухшія почки лиственницы, душистаго тополя, багуль-

ника и множества других смолистых растений, то воздух дѣлается до того пріятнымъ и ароматнымъ, что каждое вдыханіе его даетъ какую-то бродящую силу всему организму. Быстрая ходьба, подъемы на горы, спуски съ нихъ кажутся менѣе утомительными, на душѣ становится легко, не такъ гнетутъ тяжелыя думы. Веселѣе глядится на міръ Божій, не смотря на скудную и полную всякихъ лишеній, жизнь таежника.

Продолжительныя однообразныя шурфовки невольно нагоняютъ на всѣхъ какую-то апатію: рѣдко слышится веселый смѣхъ и только перекочевка изъ рѣчки въ рѣчку нѣсколько оживляетъ на время людей. Самыя работы ведутся механически, какъ бы на очистку совѣсти, и тайга начинаетъ проявлять гнетъ своимъ однообразіемъ; чувство взвинченное постояннымъ ожиданіемъ открытій, притупляется—нарождается позывъ къ выходу вонъ изъ тайги къ живымъ людямъ, въ общество.

Да, надоѣла тайга,—но неудачные поиски невольно заставляютъ искателей золота все далѣе и далѣе углубляться въ тайгу. Изстрадались цѣлую зиму, прожили весну полную опасностей не только для здоровья, но даже и для жизни, и вотъ наступило и лѣто: какъ же не попробовать еще счастья осенью,—въ самое лучшее время года; не возвратиться-же домой съ пустыми руками, къ тому-же изъ новой тайги?

...Вотъ уже величественные Амурскіе великаны Алкычанъ и Тентуръ смотрятъ угрюмо на не виданныхъ ими пришельцевъ.

Извѣстно, что изъ этихъ высочайшихъ въ Амурской

странѣ гольцевѣ беретъ свое начало рѣка Гилой ¹⁾. Ороченская фантазія въ очертаніи ихъ нашла сходство у одного съ молоткомъ, а у другого съ наковальней, а потому на ихъ языкѣ и вышло такъ, что молотокъ—это Алкычанъ или Атычанъ, а Тептуръ—наковальня.

По исчисленію межевого инженера Усольцева обѣ эти горы достигаютъ до 5,000 футъ вышины. Алкычанъ или Атычанъ состоитъ изъ узкаго каменнаго кряжа съ примкнувшей къ нему подъ прямымъ угломъ продолговатой сопкой. Тептуръ-же имѣетъ видъ отдѣльной ровной горы съ крутыми, не рѣдко отвѣсными, боками. Обѣ эти отдѣльныя высоты лежатъ нѣсколько южнѣ Становаго (Яблоноваго) хребта -и соединяются съ нимъ высокими изорванными кряжами. Алкычанъ и Тептуръ далеко превосходятъ вышиной Становой хребетъ, съ вершинъ ихъ хорошо виднѣтъ противоположный (сѣверный) склонъ съ верховьемъ громадной р. Алдана, уже притока р. Лены, который беретъ не вдалекѣ тутъ свое начало. Съ Алкычана беретъ такое множество рѣчекъ и при томъ настолько перепутанныхъ, что безъ указанія мѣстнаго знатока кочевника обойтись невозможно. Вотъ почему предложеніе услугъ всегда кочующимъ здѣсь орочономъ Шаманомъ Макаромъ оказалось весьма кстати.

Избравъ по его указанію мѣсто для стойбища, пар-

¹⁾ Гилой одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ р. Зеи падаетъ онъ въ Зею съ правой стороны въ 600 верстахъ отъ паденія ея въ Амуръ, близъ г. Благовѣщенска.

тія наша устроилась со всевозможнымъ таежнымъ комфортомъ: холодная ключевая вода прозрачная какъ кристалъ, въ близкихъ рѣчкахъ оказалось много рыбы вкуснаго линя и крупнаго тайменя, въ лѣсахъ множество глухарей, огромныхъ кроншнеповъ, куропатокъ, рябчиковъ порхало чуть-ли не у самаго стойбища. Прекрасный видъ на Алкычанъ, подымающійся здѣсь почти отвѣсной скалой дополнялъ соблазнъ и удобства стоянки. Шаманъ Макарь умѣлъ понять и оцѣнить наши желанія и угодить требовательному избалованному вкусу. Почти по отвѣсной стѣнѣ Алкычана, отъ его подножія и до самой вершины тянется едва замѣтной линіей карнизъ: это единственный подъемъ на его гребень съ южной стороны. Во многихъ мѣстахъ ширина тропы суживается до двухъ футъ. Въ такихъ мѣстахъ медвѣди подкарауливаютъ свою добычу: дикихъ оленей изюбровъ, лосей и проч. Увернуться звѣрямъ тутъ некуда, испуганнымъ остается одно: сорваться съ карниза и упасть въ пропасть. Какъ истинный гастрономъ коварный мишка прежде достаточно прогноитъ продуктъ своей охоты, а уже потомъ имъ насыщается. Бываетъ и иначе: въ то время, когда онъ хладнокровно въ своей засадѣ подкарауливаетъ добычу, его самого Макарь Шаманъ мѣткой пулей заставляетъ заплатить за коварство.

Макару Шаману около шестидесяти лѣтъ. Онъ бодръ, неутомимъ въ ходьбѣ по горамъ; лицо его постоянно вдумчивымъ выраженіемъ выдѣляется изъ общаго типа Ороchonскихъ фізіономій, узкіе, черные и нѣсколько раскосые глаза его обладаютъ, неприят-

нымъ пронизывающимъ взглядомъ. Сложенъ онъ атлетомъ, движенія его медленныя, но въ нихъ замѣтна привычка повелѣвать, свойственной же всѣмъ ороchonамъ мягкости и слащавости въ немъ незамѣтно и слѣда.

Семья у него большая: три взрослыхъ тоже семейныхъ сына, на взглядъ всѣ молодцы и считаются лучшими и отважнѣйшими охотниками. Въ присутствіи же отца являются какими-то безличными существами. Вся семья живетъ нераздѣльно хотя каждый имѣетъ свою отдѣльную юрту. Оленей у нихъ много и, считая по ороchonски, живутъ они богачами.

Макаръ—шаманить.

Солнце уже бросило длинныя тѣни, пахнуло волной свѣжаго воздуха съ гольца, глубокія поросшія дремучимъ лѣсомъ долины совсѣмъ потемнѣли, черезъ нѣсколько времени и послѣдніе солнечные лучи, уже не виднаго свѣтила загораются яркимъ пламенемъ на изорванныхъ гребняхъ Алкычана, быстро гаснутъ и они, а голецъ временно обливается фіолетовымъ цвѣтомъ, вскорѣ сглаживаются на немъ всякія краски и исчезаютъ тѣни—и мрачный гигантъ устрашающе повисъ надъ долиной.

Еще не совсѣмъ окончилась борьба мрака съ свѣтомъ, а уже Макаръ принялся за свое дѣло: уныло монотонно раздаются удары въ бубень, постепенно усиливаются, переходя въ дробь и затѣмъ такъ-же постепенно стихаютъ. Настаетъ долгая пауза.

Шаманъ сидитъ на корточкахъ въ юртѣ прямо противъ входа, въ лѣвой рукѣ у него бубень, въ правой барабанная палка. Выраженіе лица мрачное, сосредоточенное, глаза полузакрѣты и устремлены въ одну точку. На немъ надѣта прямо на голое тѣло мантия изъ оленьей замши, выкрашенная разными цвѣтами и увѣшанная длинными ремешками въ видѣ бахрамы, колокольчиками, бубенчиками, шеркунцами и разнаго рода бляхами, изображающими разныхъ птицъ и звѣрей какъ нынѣ существующихъ, такъ и фантастическихъ. Всѣ мантии гораздо болѣе пуда. На шеи Шамана надѣта широкая кожаная лента спускающаяся полосой по срединѣ груди ниже колѣнъ. На этомъ широкомъ ремнѣ навѣшено множество бляхъ, изображающихъ тоже разныхъ животныхъ драконовъ, змѣй и главное лебедей, которымъ вездѣ отведено самое видное мѣсто какъ на мантии, такъ и на лентѣ.

Вотъ удары въ бубень все усиливаются, голосъ Шамана раздается все громче и отрывистѣе, переходя по временамъ въ дикій вой и ревъ: выкрикиваетъ онъ какія-то не понятныя слова, а присутствующіе всѣ хоромъ ему что-то подпѣваютъ. Сидящіе рядомъ орочны сильно бьютъ огнивами по кремнямъ, искры съ нихъ летятъ пучками и Шаманъ съ необыкновенной жадностью ихъ будто-бы глотаетъ. Всѣ эти дѣйствія сопровождаются разнообразными ударами въ бубень.

Наглотившись искръ, Шаманъ вдругъ вскакиваетъ на ноги и начинаетъ метаться въ стороны по юртѣ, часто прислушиваясь къ стѣнамъ и видимо чего-то ожидая, и вотъ какъ будто бы онъ что-то услышалъ,

потому что начинает неистово бѣсноваться и вертѣться неимоверно быстро на одномъ мѣстѣ. Съ ловкостію фокусника въ одно мгновеніе онъ совершенно не замѣтно для всѣхъ сбрасываетъ съ себя мантию и останавливается какъ вкопанный, принявъ гордую и величественную позу. Поза его дѣйствительно красива, выраженіе лица сдѣлалось страннымъ, суровымъ, взглядъ куда-то устремленнымъ въ неопредѣленное пространство, всѣ присутствующіе чувствуютъ при этомъ на себѣ его взглядъ, но уловить его не могутъ. Въ этомъ умѣннн такъ искусно владѣть глазами главнымъ образомъ и заключается фокусъ шамановъ и въ самомъ дѣлѣ всѣмъ присутствующимъ становится жутко, овладѣваетъ невольно тревожное и непріятное ощущеніе. Теперь уже не Шамонъ Макарь передъ вами, а самъ духъ, принявшій его видъ.

— Что нужно вамъ отъ меня? говоритъ онъ внятнмъ ровнымъ голосомъ, но такимъ, въ которомъ ни одной ноты не слышится схожей съ голосомъ Макара.

— Скажи Духъ найдутъ-ли наши русскіе золото и гдѣ?

— Пусть идутъ на восходъ солнца, пусть переваливаютъ черезъ хребты до тѣхъ поръ пока не встрѣтятъ звѣря. Пусть не стрѣляютъ, тогда онъ имъ во снаѣ укажетъ золото. Если-же сна такого не будетъ, то и золота неотыщутъ.

— Добрый духъ, здѣсь есть больной, вылечи его, слышатся голоса изъ толпы зрителей, увлеченныхъ обоимъ шаманскаго священнодѣйствія.

Еще не замеръ звукъ послѣдняго слова этой прось-

бы, какъ Шаманъ кинулся къ больному (ревматизмомъ), началъ его трясти, поворачивать съ боку на бокъ, тереть, гладить. Наконецъ припадаетъ лицомъ къ больному мѣсту и начинаетъ сильно сосать его: при этомъ больной реветъ неистово, и дѣйствительно послѣ этой операциі у пациента на тѣлѣ появляются синія пятна, какъ-бы послѣ сухихъ банокъ.

Окончивъ возню съ больнымъ Шаманъ незамѣтно уползаетъ въ глубь юрты и въ судорожныхъ вздрагиваніяхъ засыпаетъ. Его покрываютъ одѣяломъ.

Тѣмъ временемъ уже разсвѣло и изъ за горъ готовы уже вырваться первые лучи восходящаго солнца.

Не нашла наша партія золота и въ красихивъ рѣчкахъ Алкычана, пришлось шурфуя рѣчку за рѣчкой спускаться къ югу.

Но вотъ среди тянущихся скучно шурфовочныхъ работъ вдругъ видятъ быстро идущаго довѣреннаго къ одному изъ шурфовъ. Спускается онъ въ него, беретъ самъ пробу. Несутъ ее къ вашгерту и промываютъ. Судорожно движется гребокъ въ привычныхъ къ работѣ рукахъ довѣреннаго. Вотъ вода начинаетъ свѣтлѣть; камушки быстро очищаются отъ глины и черезъ нѣсколько минутъ безъостановочной быстрой работы на небольшой черной полоскѣ шлиховъ желтѣетъ уже нѣсколько золотинокъ. Тщательное обметаніе щеткой дна вашгерта, при слабомъ притокѣ свѣтлой воды, оказываетъ еще много ничтожнѣйшей величины золотинокъ. Все вмѣстѣ становится яснымъ привычному глазу, что вѣсь ихъ будетъ 5—6 долей.

— Съ золотомъ хозяинъ! кричатъ, крестясь и кла-

няясь, рабочіе.—Значить, ребята, водку пьемъ! соглашается развѣдчикъ.

Какъ по моновенію волшебнаго жезла, апатія смѣняется судорожной работой, кипить она, какъ говорится въ рукахъ у всѣхъ, будто другіе люди тутъ появились.

Быстро углубляются шурфы; золото оказывается еще въ двухъ трехъ шурфахъ: сомнѣнія исчезаютъ,—пріискъ открытъ. Дѣло партіи сдѣлано,—надо принять только мѣры, чтобы сохранить и право на него за открывателемъ.

Работа эта въ виду требованій закона и боязни захвата часто открытыхъ такимъ трудомъ и лишеніями розсыпей, таежными волками, заставляютъ быть на сторожѣ день и ночь.

Эти таежные волки или пираты сами мало занимаются поисками: они лишь зорко слѣдятъ за работающими въ тайгѣ партіями, посредствомъ вѣчно бродящихъ по тайгѣ ороchonъ. При малѣйшемъ извѣстїи о чемъ-либо открытїи, они неожиданно, большею частью ночью, являются не желательными сосѣдями.—Право на владѣніе пріискомъ законъ предоставляетъ первому его открывателю, но требуетъ обязательно соблюденія предписанныхъ правилъ; какъ-то: правильнаго описанія нахожденія открытїя; самая площадь должна быть опредѣлена починнымъ столбомъ съ межевой ямой, подробно и правильно описанными, и должны быть пробиты съ золотомъ шурфы и также точно описаны. Два пріиска въ пользу одного и того-же лица ближе 5 верстъ одинъ отъ другого, законъ заявлять не доз-

воляеть:—вотъ это-то правило и породило таежныхъ волковъ. Несоблюденіе этихъ формальностей ведетъ за собой потерю прииска.

Таежная хроника полна рассказовъ о разныхъ случаяхъ какъ одна поисковая партія обманывала другую, чтобы захватить прежде въ свою пользу какую, нибудь мѣстность. Разносится напримѣръ, слухъ, что такой-то открылъ золото, но не успѣлъ почему-либо ее заявитья оффиціальнымъ порядкомъ. Профессіальные таежные пираты, т. е. захватыватели чужихъ открытій, зорко слѣдятъ за нимъ съ готовой партіей, гдѣ-нибудь по близости. Не зѣваетъ тоже и открыватель—онъ быстро выходитъ въ тайгу, мѣняя первоначально часто направленіе. Но пиратъ выслѣживаетъ открывателя и вотъ они гдѣ-нибудь сходятся. Начинается подпаиваніе, выпытываніе и проч., но всѣ тутъ что называется травленные волки, пьютъ, отчаянно врутъ и выжидаютъ удобнаго случая какъ, нибудь обмануть другъ друга. Выручаетъ, большею частію пурга которая только и представляетъ возможность обмануть пирата.—Открыватель снимается быстро съ ночлега, мѣняетъ направленіе, пурга заваливаетъ снѣгомъ слѣды его, черезъ нѣсколько дней ему удастся скрыться отъ своего преслѣдователя и, обстановивъ столбами свои площади, спокойно ихъ кароулить, подавъ куда слѣдуетъ требующіяся закономъ заявленія.

Окончивъ описаніе дѣятельности поисковыхъ партій въ тайгѣ, нельзя не дополнить, что удачные результаты поисковъ не суть послѣдствія только правильна-

го и умѣлаго веденія дѣла, и что неудачи происходятъ всегда отъ вины искавшихъ. Исторія многихъ открытій и поисковъ указываетъ и на то, что тутъ случайности играютъ не послѣднюю роль, — истина эта хорошо извѣстна каждому золотопромышленнику.

Чтобы, какъ говорится, гусей не дразнить, не стану приводить здѣсь въ доказательство самихъ фактовъ, я скажу вообще, что, благодаря только однимъ счастливымъ случайностямъ, открыта большая часть богатѣйшихъ золотыхъ розсыпей. То недостатокъ въ провизіи заставитъ партію остановиться въ пути, далеко отъ мѣста своего назначенія, то пошли рабочіе купаться на привалѣ и совершенно неожиданно нашли въ яру вымытомъ рѣчкой, золотину, то разбѣгутся олени и заставятъ партію остановиться, то приказчикъ не пойметъ приказаній своего начальника и забредетъ далеко въ сторону и т. д. Потомъ уже сочиняются всякіе тонкіе расчеты и соображенія, будто привевшіе къ открытію золота. Говорятъ, что открытіе даже богатѣйшей Енисейской системы послѣдовало благодаря рябчику... Орочоны будто бы принесли въ числѣ гостинцевъ своему принципалу изъ тайги рябчиковъ, въ желудкахъ которыхъ найдены были золотишки!

Одна богатѣйшая розсыпь была открыта даже и не человекомъ, а звѣркомъ, называемымъ торбаганомъ (Сиб. сусликъ). Звѣрекъ этотъ роетъ для своихъ зимовокъ глубокія норы съ затѣйливѣйшими ходами: въ выброшенныхъ имъ пескахъ Бурятъ нашелъ нѣсколько золотинокъ и указалъ, случайно проѣзжавшему приисковому приказчику. Прииска-же эти, давшіе мно-

го сотень пудовъ золота, лежать на самой столбовой дорогѣ во всѣмъ извѣстномъ старинномъ золотомъ районѣ, гдѣ вся мѣстность кругомъ положительно изрыта шурфами? Сколько-же спрашивается до того въ долгій періодъ времени проѣхало по этой дорогѣ десятковъ инженеровъ специалистовъ, вооруженныхъ всѣми данными горной науки?

Хотя случайность въ дѣлѣ открытій золотыхъ россыпей и играетъ громадную роль, но все-таки «побѣдителя не судятъ». Не станемъ судить и мы, и на противъ того прибавимъ, что случайность случайностью, но все-таки выпадаетъ она преимущественно на долю того кто больше и упорнѣе бродитъ по тайгамъ, преслѣдуя завѣтную свою цѣль найти во что-бы-то ни стало золото.

Окончивъ обзоръ дѣятельности поисковыхъ партій, я считаю долгомъ назвать здѣсь тѣхъ лицъ, которыя завѣдуя самостоятельно поисковымъ дѣломъ, положили твердое основаніе золотопромышленности въ Амурской странѣ на пользу какъ ея населенія, такъ и государства.

1. Первымъ открывателемъ золота на Амурѣ былъ горный инженеръ Николай Павловичъ Аносовъ. Онъ пробылъ въ тайгѣ кажется болѣе всѣхъ. Открытія его по р.р. Джелиндѣ, Ольдою, Уруши, въ Хинганѣ, отъ имени Д. Е. Бенардаки, послужили основаніемъ для образованія Верхне-Амурской К^о.—Штейгерами у него были: Тетеринъ и Петровъ.

2. Оставляя Амуръ Н. П. Аносовъ 1866 г. передалъ поисковое дѣло К. Б. Чаплеевскому, которымъ изслѣ-

дована золотоносность въ верховьяхъ Ольдоя, Ура, Гилоя, Алдана заявлены пріиски по р.р. Желтулакамъ; за штейгера у него былъ Ф. П. Петровъ.

3. 1868 г. Веберъ вель поиски отъ М. Ф. Буйвида въ системѣ Зеи и открылъ золотоносность по р. Селемджѣ (открытіе это стоило жизни части его партіи и ему самому).

4. 1868 г. Х. П. Тетюковъ открылъ пріиски по р. Херпучи при впаденіи р. Амгуни въ Амуръ.

5. 1871 г. П. П. Аносовъ Средне-Амурской К. нашель золото по р. Селемджѣ; при немъ были штейгера Тетеринъ и Михневичъ.

6. 1873 г. А. И. Нерпинъ отъ В. А. К^о открылъ систему золот. розсыпей по р.р. Гилюю и Брянтѣ;— при немъ были Завьяловъ, Алфутовъ и Поповъ.

7. 1873 г. И. А. Котельниковъ и Е. В. Досенинъ отъ М. Д. Бутина открыли пріиски по р. Бургали, впадающей въ Амуръ.

8. 1874 г. горный инженеръ Набоковъ съ Михневичемъ и Марковымъ открылъ пріиски по р. Ниману.

9. 1874 г. А. П. Хрѣнниковъ отъ Зейской К^о открылъ пріиски по р. Угану.

10. 1876 г. А. И. Нерпинъ отъ В. А. К^о открылъ розсыпи по р. р. Нилану, Керби и Семи въ системѣ р. Амгуни: при немъ былъ штейгеръ Завьяловъ.

11. 1877 г. Сафоновъ отъ М. Д. Бутина открылъ розсыпи по р. Амгуни.

12. Шадринъ открылъ пріиски по р.р. Семи и Амгуни.

13. 1888 г. Митрофановъ отъ В. А. К^о открылъ пріиски по р. Талги, впадающей въ р. Гилуй.

14. 1888 г. Бѣлозеровъ отъ Ельцова и Левашева открылъ пріиски по р. Солокиткану въ Амгунской системѣ.

15. 1890 г. Труфановъ отъ В. А. К^о открылъ пріиски по р. Сугджари въ системѣ рѣки Зеи.

16. 1895 годъ. Галецкій и Ивановъ, открыли систему 3. розсыпей озера Удиль.

Были и есть на Амурѣ и другаго рода искатели золота, зорко слѣдящіе за открытіями самостоятельныхъ поисковыхъ партій и являющіеся неожиданно—нежелательными сосѣдями, они захватывали безъ всякой шурфовки тайкомъ въ ночное время оставшіеся незанятыми куски розсыпей, заширотныя мѣста, сосѣднія долины, ключи и проч. Упомянуть здѣсь этихъ хищниковъ считаю неудобнымъ, такъ какъ ихъ дѣятельность приносила и приноситъ одинъ только вредъ золотопромышленности, сообщая лихорадочный, торопливый характеръ и вообще мѣшая всей работѣ поисковыхъ партій, особенно при заявкахъ открытыхъ ими золотыхъ розсыпей.

Развѣдка.

Когда пріиски, открытые поисковыми партіями, будутъ отмежеваны правительственными чиновниками и утверждены за лицами, въ пользу которыхъ они заявлены, то приступаютъ къ ихъ развѣдкѣ, т. е. къ

детальному изслѣдованію степени ихъ золотоносности. Дѣло это поручаютъ всегда лучшему пріисковому служащему, извѣстному своею аккуратностью и знаніемъ золотопромышленнаго дѣла, но гораздо рациональнѣе ввѣрить ее тому лицу, которому предполагается сдать всю обстановку и разработку розсыпи, т. е. все управление дѣломъ.

Первоначальная развѣдка составляетъ важнѣйшую часть въ золотопромышленномъ дѣлѣ, не смотря на то, что на видъ вся она состоитъ изъ мелочей и что почти всегда производится при самой неудобной и бѣдной обстановкѣ. Последнее обстоятельство происходитъ отъ того, что, къ сожалѣнію, очень часто иллюзии создаваемыя открытіями поисковыхъ партій, разрушаются развѣдкой самымъ безжалостнымъ образомъ. Тогда золотопромышленнику приходится, вмѣсто ожидаемыхъ барышей, терять капиталъ, затраченный на эту самую развѣдку, стоящую всегда дорого.

Чтобы выяснитъ важность ея, привожу здѣсь, данныя того, что именно здѣсь требуется т. е. на какіе вопросы и задачи развѣдка должна дать положительные отвѣты и рѣшенія:

1. Опредѣлитъ количество золота въ данной площади;
2. Содержаніе золота, т. е. количество его въ 100 пуд. песковъ (или пласта);
3. Толщину, ширину и длину золотаго пласта;
4. Толщину пустыхъ породъ, покрывающихъ золотою пластъ (торфовъ);
5. Свойства почвы—т. е. постели золот. пласта;

6. Рельефы площадей торфа, пласта и почвы;
7. Распредѣленіе золота въ пластѣ, родъ и видъ горныхъ породъ въ розсыпи;
8. Склонъ долины;
9. Описаніе долины и сосѣднихъ ключей, логовъ и горъ;
10. Притокъ воды въ грунтѣ, на поверхности долины и въ ближайшихъ рѣчкахъ;
11. Пути сообщенія.

На основаніи отвѣтовъ на эти вопросы составляются смѣтные соображенія эксплуатаціи розсыпей, и если они вѣрны, то золотое дѣло должно быть вѣрнѣйшимъ коммерческимъ предпріятіемъ. Даже всякіе феноменальные случаи при этихъ условіяхъ не могутъ отражаться на немъ такъ губительно, какъ на всякихъ другихъ дѣлахъ. Даже самое отрѣзываніе купоновъ отъ бумагъ, если они не хранятся въ Государственномъ банкѣ не можетъ быть болѣе вѣрнымъ. Золото строго охраняется самой природой и получить его можетъ только временная потеря, легко возмѣщающаяся слѣдующимъ годомъ. Если же это такъ, то важнѣйшее значеніе въ золотомъ дѣлѣ развѣдокъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Всѣ развѣдки производятся самымъ первобытнымъ способомъ посредствомъ простой шурфовки и почти при одинаковыхъ условіяхъ. Для ознакомленія читателя съ развѣдочнымъ дѣломъ приведу здѣсь краткое описаніе первоначальной развѣдки Джалиндинскихъ пріисковъ Верхне-Амурской К^о.

Въ свое время въ обществѣ и въ печати распро-

странены были слухи, что богатство открытій Н. П. Аносова весьма сомнительное, что Амурская страна до такой степени дика, безлюдна и сурова, что въ ней никакое коммерческое дѣло вести невозможно, что Албазину грозить будто-бы опасность быть опять уничтоженнымъ китайцами, что наконецъ Россіи нѣтъ никакой нужды удерживать эту никуда негодную страну за собою и т. п.—Только проницательный и практичный умъ Д. Е. Бенардаки да энергія Н. П. Аносова, вѣрившаго въ неисчерпаемое богатство золотомъ Амурской страны, могли устоять противъ пущенной въ ходъ врагами графа Муравьева - Амурскаго, всякой лжи.—Въ ноябрѣ 1866 г. пишущему эти строки была поручена экстренная развѣдка Аносовскихъ открытій.

Въ концѣ ноября 1866 г. наскоро собранная партія, двинулась изъ станицы Албазина на сѣверъ по направленію къ р. Джалиндѣ и, переваливъ черезъ невысокій береговой Амурскій хребетъ, остановилась для сбора команды въ 5—6 верстахъ въ долину р. Невера. Нужно было употребить двое сутокъ, чтобы собрать распьянствовавшуюся команду да и то съ помощью казаковъ, за вознагражденіе по 3 руб. съ головы.

Команда, состоявшая всего изъ 18 человекъ, была набрана тутъ же въ ближайшихъ казачьихъ станицахъ изъ поселенцевъ, бывшихъ ссыльнокаторжныхъ и изъ, такъ называемыхъ, сынковъ, бывшихъ штрафныхъ нижнихъ чиновъ изъ Европейской Россіи, переименованныхъ въ казаки, и изъ разночинцевъ, попавшихъ случайно на Амуръ. Опохмѣливъ эту братію,

только на третій день можно было кое какъ двинуть ее далѣе. Разстояніе 120 верстъ отъ Албазана до р. Джалинды шли 10 дней, такъ какъ лежалъ уже глубокій снѣгъ и нужно было выбрать удобную постоянную дорогу, обозначить ее затесями на деревьяхъ, вѣхахъ и легкими просѣками. На Джалиндѣ никакихъ строеній еще не было, долины ея были покрыты дремучимъ вполнѣ, какъ говорится, дѣвственнымъ лѣсомъ, такъ что въ немъ царили вѣчныя сумерки. Вѣтровалы и буреломы во всѣхъ стадіяхъ гніенія, нагроможденные одинъ на другомъ, затрудняли движеніе по долинѣ даже и оленямъ. Рѣчка, разбиваясь на протоки, извивалась по широкой долинѣ, дѣлая крутые повороты съ одной стороны на другую.

Большое 5-ти сажен. зимовье выстроили въ два дня на третью ночь уже и ночевали въ немъ. Лѣсъ былъ срубленъ тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣнъ, полъ и потолокъ сдѣланъ изъ накатника: на него настлали, накатникъ навалили оттаянной пожогами земли и укрыли вѣтвями ельника. Внутри кругомъ трехъ стѣнъ, устроены были нары для рабочихъ, четвертую стѣну заняли двери и аппаратъ для служащихъ тутъ же было прорублено окно съ просаленной бумагой вмѣсто стекла. По срединѣ на опечкѣ, наполненномъ землею, поставили желѣзную печь, сдѣланную изъ банки изъ подъ олифы, добытую въ Албазанѣ и оставленную тамъ вѣроятно какимъ нибудь пароходомъ. Трубу замѣнили испорченнымъ звеномъ отъ желѣзной помпы. Тутъ же у окна сколотили изъ колотыхъ кругляшей нѣчто подобное столу; обрубки толстыхъ сосенъ замѣняли стулья.

Стѣны сложены были изъ деревь въ корѣ, для чего выбирались лиственъ и сосна, дающія прекрасный запахъ и хорошо дезинфекширующіе воздухъ. Цѣлые дни и ночи раскаливалась печь до красна, зимовье высохло превосходно въ три дня. На импровизированномъ столѣ поставлены были вѣсы для взвѣшиванія золота, разложены письменныя принадлежности, планы, шурфовочныя журналы и проч. Для помѣщенія провизіи и всякаго имущества срубленъ наскоро амбарчикъ, но таежный вориска лиса заставила сдѣлать въ немъ полъ, а нахальная ворона—потолокъ. Кухню изображала яма, изъ которой брали землю на потолокъ зимовья. Такимъ образомъ устроилась первоначальная осѣдлость въ суровой Амурской тайгѣ на р. Джалиндѣ, а въ долинѣ ея закипѣла пріисковая работа, длившаяся затѣмъ 30 лѣтъ и дававшая тонъ, такъ сказать, всему золотому дѣлу въ Амурской странѣ.

Принявъ въ основу шурфы поисковой партіи Н. П. Аносова, заложены были три линіи въ 50 сажень одна отъ другой по длинѣ долины и по четыре шурфа каждый. Расчисткой мѣстъ для шурфовъ отъ валежника занята была вся партія, не прошло и двухъ дней, какъ задымились всѣ шурфы, такъ какъ грунтъ вездѣ, по снятіи тундры, оказался каменистымъ и мерзлымъ. Не смотря на стоявшіе сильныя морозы до 30° ниже нуля, всетаки удалось найти въ руслѣ рѣчки воду, гдѣ и была устроена промывка, т. е. поставлены котлы, установлены вашгерты, проведена къ нимъ, посредствомъ жолобовъ, вода и начата про-

мывка каменистыхъ верхнихъ горныхъ породъ. Уже и въ этихъ верхнихъ породахъ получались густые знаки золота, въ видѣ еле замѣтныхъ пылинокъ, количество которыхъ стало увеличиваться все больше и больше по мѣрѣ углубленія шурфовъ. Не прошло и двухъ дней, какъ получилось настоящее золото. Ни трудность работы, ни 30 градусные морозы, ни плохое жильё, ни что не ослабляло энергіи рабочихъ: они трудились бодро и весело, какъ будто промытое золото принадлежало имъ и всѣ они становились богатыми.

Прежде всего получилось золото изъ шурфа, заложеннаго въ промерзшемъ руслѣ р. Джалинды, такъ какъ верхнія пустыя породы состояли изъ рѣчниковъ толщиной всего лишь въ нѣсколько четвертей аршина.

Изъ этихъ рѣчниковъ получились при промывкѣ густые «знаки», хотя это были мельчайшія золотинки, но онѣ лежали неподвижно на днѣ вашгерта и струя воды на нихъ мало дѣйствовала: «тяжелое золото, хорошая примѣта», говорятъ промывальщики, замѣчанія же ихъ часто оправдываются и на практикѣ. Легкимъ золотомъ называется то, которое скоро уносится водой, и даже нерѣдко плаваетъ по поверхности. Происходитъ это отъ того, что такое золото очень тонко и что площадь золотинокъ въ сравненіи съ ихъ вѣсомъ очень велика: струя воды легко уноситъ и довольно большія золотинки этого вида, въ тоже время доказывая небрежную промывку. Такое золото считается дурной примѣтой: оно называется «чешуй-

чатымъ» и уловить его всегда затруднительно даже при помощи ртути. Непосредственно подъ рѣчниками показывается пласть съ богатѣйшимъ содержаніемъ золота,—пробы въ 5 пуд. вѣсомъ даютъ 2—3 золотника—что въ 100 пуд. песковъ выразалось среднимъ содержаніемъ въ этихъ четвертяхъ 40—50 золотниковъ. Хотя 2—3 золотника золота представляютъ, собственно говоря, ничтожный объемъ, но когда оно очень мелкое и притомъ сопровождается большимъ количествомъ черныхъ шлиховъ, имѣющихъ тоже значительный удѣльный вѣсъ, то при промывкѣ вмѣстѣ съ шлихомъ подъ легкой струей воды и при взвинченныхъ нервахъ таежника обиліе золота показывается фантастическимъ. Вѣдь промыватель хорошо знаетъ, что промываетъ ничтожную кучку земли, но что же получится у него, когда гигантская бочка пожретъ десятки тысячъ пудовъ этихъ же песковъ; какія груды его должны объявиться тогда!.. Хотя «нѣтъ великаго человѣка предъ его камердинеромъ», т. е. какъ бы ни была велика его привычка къ золоту, все же оно золото—сила—могущественнѣйшее орудіе рода человѣческаго. Обаяніе этой самой безразличной силы для добра ли, для зла ли велика для всѣхъ людей. «Хозяйское будетъ золото» говорятъ рабочіе и дѣйствительно 30-ти лѣтняя работа Джалиндинскихъ присковъ, доказала, что золото въ ней дѣйствительно «хозяйское». Хозяйскимъ же золотомъ присковый рабочій людъ называетъ мелкое золото, такъ какъ за крупныя золотины, поднятыя рабочими, имъ выдается особая плата, простирающаяся до трехъ руб. за золотникъ.

Вслѣдъ затѣмъ стало получаться золото постепенно и изъ всѣхъ шурфовъ; по счастливой случайности всѣ 12 шурфовъ оказались съ коммерческимъ золотомъ. Нѣкоторыя четверти золотого пласта были очень богаты. Рабочіе скоро примѣнились къ золотому пласту и богатѣйшія прожилки его стали имъ хорошо извѣстны. Щеголяя другъ передъ другомъ, они стараются всегда и вездѣ дать лучшія пробы, хотя казалось бы для нихъ безразлично, какая бы тамъ ни была проба. Между тѣмъ, эта ихъ страстишка часто бывала причиной самыхъ печальныхъ послѣдствій и вотъ чѣмъ она выражалась. Положимъ, имѣется 4 четверти пласта; въ одной изъ нихъ находится самый богатый прожилокъ толщ. въ 1 вершокъ съ содержаніемъ въ 100 пуд. въ 5 золотниковъ въ остальной же массѣ песковъ содержаніе золота не превышаетъ 20 долей въ 100 пуд. Ничего не подозрѣвая дурнаго, рабочій чистосердечнѣйшимъ образомъ дастъ пробу въ 5 пуд. изъ четверти, изъ этого богатѣйшаго одного вершка, тогда въ общемъ расчетѣ содержанія золота въ пластѣ получится:

$$20 + 20 + 20 + 480 = 540: 4 = 135, \text{ т. е. } 1 \text{ зол. } 39 \text{ дол.},$$

но богатая четверть въ дѣйствительности будетъ не 540 д., а только 135 д., слѣдовательно, общее содержаніе 4 четвертей будетъ въ дѣйствительности:

$$20 + 20 + 20 + 135 = 190: 4 = 47 \frac{1}{2}$$

Разница выходитъ большая и въ результатѣ по разработкѣ, вмѣсто предполагавшихся барышей весьма легко потерять весь громадный капиталъ. Попадаю-

шіеся не рѣдко сомородки тоже не должны входить въ расчетъ общаго содержанія золота: ихъ помѣщаютъ отдѣльно въ шурфовочномъ журналѣ, отмѣчая особо вѣсъ, шурфъ и четверть, съ которыхъ они были получены—такъ какъ они могутъ искусственно возвысить общее содержаніе золота также какъ указано было выше въ примѣрѣ, касающемся выбора для пробъ богатыхъ песковъ.

Развѣдка долины р. Джалинды и ея притоковъ была самой благопріятной, какую только возможно себѣ пожелать. Только въ одномъ шурфѣ были встрѣчены ползучія горныя породы, закрѣпить которыя простыми палями при 30 градусныхъ морозахъ не представило затрудненій. Встрѣченная вода легко отливалась ведрами; каждый пожегъ оттаивалъ не мене $1\frac{1}{2}$ —2 четв. грунта, а торфа не превышали 10—11 четв. арш. При такихъ условіяхъ возможно было, основываясь на установленныхъ детальной развѣдкой данныхъ, черезъ 7 недѣль послѣ выступленія партій изъ Албазана уже послать эстафету въ Петербургъ: что въ долину Джалинды опредѣленъ для разработки цѣликъ съ 100 пуд. золота, что среднее содержаніе его равно $2\frac{1}{2}$ —3 золотникамъ,—что условія для разработки вполне благопріятны, толщина пласта почти что равняется толщинѣ пустыхъ породъ, что бѣглая развѣдка смежныхъ пріисковъ, открытыхъ тѣмъ же Н. П. Аносовымъ, позволяетъ думать, что и въ нихъ есть тоже хорошее золото. Когда развѣдка близилась къ концу, т. е. когда добивались шурфы по ширинѣ долины и еще въ 3-хъ линіяхъ, долина Джа-

линды «закипѣла», рѣчники, пропускавшіе воду въ грунтѣ, промерзли, и она, найдя себѣ выходъ наружу, затопила долину; сильные морозы образовали на ней гладкую и толстую ледяную кору. Хотя разливъ этотъ и затруднялъ нѣсколько работы, но не могъ остановить ихъ, такъ какъ при сильныхъ морозахъ легко было спасти шурфы отъ затопленія посредствомъ не высокихъ загражденій изъ пустыхъ породъ.

Дальнѣйшая развѣдка розсыпей отложена была до осени слѣдующаго года, одновременно съ обстановкой работъ на развѣданной площади.

Такъ или въ этомъ же родѣ производятся всѣ вообще развѣдки золотыхъ розсыпей—только не такъ удачно. Большая часть изъ нихъ даетъ къ сожалѣнію противоположные результаты. Почвенная вода, встрѣчающаяся нерѣдко въ тайгахъ дѣлаетъ развѣдку въ высшей степени затруднительной и стоящей неимоверно дорого. Обыкновенные ручные помпы выкачивать воду не могутъ,—приходится прибѣгать къ центрофугамъ или къ пульзометрамъ. При толщинѣ торфовъ въ нѣсколько сажень и сильномъ притокѣ воды пробивка одного шурфа обходится въ тысячи рублей и развѣдка тогда затягивается на многіе годы.

Разработка золотыхъ розсыпей.

Извлеченіе золота въ томъ видѣ, въ какомъ находится въ грунтѣ, составляетъ всю задачу эксплуатаціи золотыхъ розсыпей. Дальнѣйшая же обработка его

предоставлена закономъ правительственнымъ лабораторіямъ, которымъ золотопромышленники и сдаютъ все добытое ими золото; въ отличіе отъ золота, обработаннаго въ лабораторіяхъ химическими способами, оно называется шлиховымъ.

Весь процессъ выдѣленія золота изъ грунта, какъ у насъ, такъ и за границей, основанъ на значительно большемъ его удѣльномъ вѣсѣ въ сравненіи съ другими металлами, рудами, горными породами, составляющими массу золотосодержащихъ песковъ (удѣльный вѣсъ: желѣза 7,8—киновари 8,09—марганца 7,5—мѣди 8,9—серебра 10,5—сѣрнаго колчедана 9,2—свинца 11,3—гранита 5,3—известняка 2,8—кварца 5,8 глины 2,15—золота 19,3—платины 21,5).

Это свойство золота указываетъ само собою и на простѣйшій способъ его выдѣленія или добычи посредствомъ воды,—и дѣйствительно вездѣ, во всей золотопромышленности, гдѣ бы то она ни была, для добычи золота разжижаютъ золотосодержащій грунтъ, или песокъ, возможно обильно водою и спускаютъ эту разжиженную массу по наклоннымъ плоскостямъ. Уголъ наклона строго соразмѣряется, какъ со степенью разжиженія песковъ, такъ и съ ихъ количествомъ и качествомъ. Тогда золото съ частью другихъ болѣе тяжелыхъ минераловъ свободно осаждается и задерживается ловушками или просто какими нибудь преградами, напр. деревянными невысокими брусками, которыми устилаются наклонныя плоскости, или какъ ихъ называютъ «шлюзы». Оставшееся небольшое количество обогащенныхъ песковъ промываютъ на вашгер-

тахъ ручнымъ способомъ при слабомъ притока воды, съ прибавкою немного ртути. Полученный золотой сортутокъ выпариваютъ, чѣмъ и оканчивается вся операція добычи. Другихъ какихъ либо способовъ выдѣленія пока нигдѣ не существуетъ, вся же разница въ разработкѣ прінсковъ заключается только въ примѣненіи различныхъ орудій, машинъ и проч. какъ для добычи песковъ, такъ и для разжиженія, или, какъ говорятъ, для орошенія массы песковъ водою.

Простота всѣхъ пріемовъ, обусловливающихъ добычу розсыпнаго золота, не требующихъ никакихъ серьезныхъ специальныхъ знаній горныхъ наукъ, ставитъ прямо и рѣшительно все розсыпное золотое дѣло въ разрядъ дѣлъ коммерческихъ или промышленно коммерческихъ. Оно требуетъ отъ лицъ, ведущихъ его, прежде всего, знанія мѣстныхъ условій, какъ экономическихъ, такъ и климатическихъ, затѣмъ сильной воли и крѣпкаго здоровья,—умѣнья управлять людьми безъ помощи полиціи,—и главное чисто коммерческихъ способностей въ обширномъ значеніи этихъ словъ.

Никакія высокія знанія специальныхъ горныхъ наукъ не могутъ служить гарантіей успѣшнаго веденія этого дѣла и привлеченіе людей, обладающихъ такими знаніями, безусловно не производительное и вредное, такъ какъ отвлекаетъ многополезныя и дорого стоящіе государству знанія всторону отъ ихъ прямого назначенія, т. е. отъ настоящей горно-промышленной техники, заполняющейся вслѣдствіе того иностранцами.

Прінсковое дѣло имѣетъ свою немудреную технику,

доступную вполне для людей съ среднимъ образованіемъ, состоящую изъ мелочей, образующующихъ крѣпко сомкнутую цѣпь, каждое звено которой имѣетъ одинаковую важность. Вотъ почему дѣло пріисковое для его изученія требуетъ непременно болѣе или менѣе продолжительной практики. Никакая теоретическая подготовка не можетъ замѣнить ее. Исторія золотопромышленности подтверждаетъ истину эту тысячами убѣдительнѣйшихъ примѣровъ.

Поиски и развѣдка, описаніе которыхъ было сдѣлано выше, не противорѣчатъ, кажется, высказанному мнѣнію, но надѣюсь, также, что оно подтвердится и изложеніемъ сущности разработки розсыпей.

Въ золотопромышленномъ, какъ и во всякомъ другомъ промышленномъ дѣлѣ, разработка розсыпей производится на основаніи предварительно составленныхъ смѣтныхъ соображеній или проектовъ работъ, для которыхъ въ данномъ случаѣ основаніемъ служить развѣдка розсыпи, размѣры же работъ зависятъ отъ капитала, опредѣляемаго владѣльцемъ розсыпи. Каждая пріисковая смѣта должна детально опредѣлить стоимость работъ по категоріямъ, причемъ во всѣхъ расходныхъ статьяхъ, должны приниматься всегда максимальныя цифры, а въ доходныхъ минимальныя. Такая осторожность въ пріисковомъ дѣлѣ требуется по той причинѣ, что всѣ почти заготовленія, необходимыя для производства работъ, дѣлаются всегда за тысячи верстъ отъ мѣстъ ихъ потребленія.

Всѣ расходы по разработкѣ розсыпей могутъ быть отнесены къ тремъ отдѣламъ:

Первый составлять всѣ соображенія, касающіяся земляныхъ работъ съ промывкой песковъ и ихъ стоимость.

Во второмъ сосредоточатся всѣ расходы по заготовленіямъ, по покупкѣ орудій, машинъ, припасовъ и проч.

Третій отдѣлъ, составлять расходы, падающіе на администрацію.

Въ Русской золотопромышленности земляная работа, за весьма немногими исключеніями, производится ручнымъ способомъ съ отвозкой грунта на лошадяхъ, по грунтовымъ дорогамъ или по рельсовымъ путямъ. Способъ этотъ установился преимущественно вслѣдствіе орографическаго, гидрографическаго и экономическаго положеній русскихъ россыпей послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ примѣненія способовъ, практикующихся въ золотопромышленности другихъ странъ.

Такъ напр. еще въ 50-хъ годахъ въ Енисейской тайгѣ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ примѣнялся американскій способъ, подъ названіемъ Пакулевскаго какъ въ добычѣ песковъ, такъ и при ихъ промывкѣ, съ помощью воды и ручной работы, затѣмъ близъ Бакайла, на Амурѣ и въ другихъ тайгахъ пробовали ввести американскій же гидравлическій способъ съ большимъ давленіемъ и вездѣ получались одинаково неудовлетворительные результаты.

Причины этихъ всеобщихъ неудачъ заключались въ незначительномъ склонѣ или паденіи нашихъ россыпей, вслѣдствіе чего, промытые пески не могли уноситься водою, подпруживали работы и засоряли ча-

сто богатую неровную почву. Разбросанность приисковъ, раздѣляемыхъ значительными совершенно пустыми мѣстностями, не допускала возможности устройства съ выгодой дорого стоящихъ водяныхъ резервуаровъ съ необходимой для промывки песковъ прессіей. Затѣмъ отдаленность за тысячи верстъ отъ приисковъ механическихъ заводовъ дѣлала затруднительнымъ, а часто и невозможнымъ введеніе въ золотое таежное дѣло всякихъ сложныхъ машинъ. Все это, взятое вмѣстѣ, привело само собою русскую золотопромышленность къ необходимости измыслить свой способъ разработки росыпей, соотвѣтствующій на сколько это возможно состоянію нашихъ своеобразныхъ росыпей.

Смѣтное соображеніе по землянымъ работамъ, прежде всего требуетъ опредѣленія площади, для работъ, которая выбирается на основаніи данныхъ, опредѣленныхъ развѣдкой. Для первоначальной разработки выбираютъ площадь болѣе богатую и болѣе выгодную, имѣя все таки въ виду то, чтобы сдѣланныя подготовительныя работы какъ по сооруженію перемычекъ плотинъ, такъ и по проведенію водоотводныхъ и капитальныхъ канавъ, могли служить хотя бы лишь для нѣсколькихъ операций. Простой геометрической и арифметической расчетъ даетъ скорый отвѣтъ о количествѣ земляныхъ работъ, какъ пустыхъ породъ или торфовъ, такъ и содержащихъ золото песковъ, а затѣмъ, считая 1 куб. саж. содержащихъ золото песковъ вѣсомъ 1000—1200 пуд. при извѣстномъ по развѣдкѣ содержаніи золота въ 100 пуд. и опредѣляется количество его въ каждахъ 10-ти погонныхъ саженьяхъ цѣлика.

Качество содержащихъ золото песковъ опредѣляетъ способъ ихъ промывки: если пески очень мясниковаты, т. е. если они состоятъ изъ вязкой плохо размывающейся глины при ничтожной примѣси камня, то для промывки строятся растирательныя чаши; если же пески каменистые и въ глинѣ содержится достаточно песку, то проектируются для промывки бочки, которыя и имѣють повсемѣстное почти употребленіе.

Растирательныя чаши состоятъ изъ круглаго невысокаго цилиндра съ дномъ изъ толстаго листоваго желѣза, пробитаго частыми дюймоваго діаметра дырами. Въ срединѣ чаши движется вертикальный валъ, къ которому придѣланы радіально равныя діаметру чаши крестовины; къ этимъ крестовинамъ прикрѣпляются вертикально рѣзцы или калоши въ шахматномъ порядкѣ. Рѣзцы эти размѣшиваютъ набрасываемую въ чашу глину, орошаемую въ то же время сильными струями воды посредствомъ брызгалъ. Масса песковъ вмѣстѣ съ камнями перемѣшивается и размывается въ чашѣ до тѣхъ поръ, пока вся глина не превратится въ муть, проваливающуюся вмѣстѣ съ мелкими камешками и съ золотомъ чрезъ дыры въ днѣ чаши на наклонную площадь, устроенную подъ чашей. Остающіеся камни бѣльшей величины, чѣмъ дыры въ днѣ чаши выпускаются черезъ открывающуюся часть дна чаши въ особый люкъ, называемый галечнымъ и отвозятся въ отвалъ. Золото же остается съ небольшимъ количествомъ тяжелаго песка на шлюзѣ, а легкіе мелкіе камешки и песокъ, называемые эфе-

лями, уносятся водой и осаждаются на концѣ шлюза, а затѣмъ также увозятся въ отвалы.

Чаши употребляются очень рѣдко, и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда глины очень упорно поддаются размучиванію, потому что промывка песковъ на нихъ происходитъ медленно и рѣдко можетъ быть увеличена за 15 т. пудовъ въ 12-ти часовую работу. Промывка песковъ посредствомъ бочекъ можетъ простираться до 75 т. пудовъ и болѣе въ то же количество рабочихъ часовъ, почему она и предпочитается чашѣ.

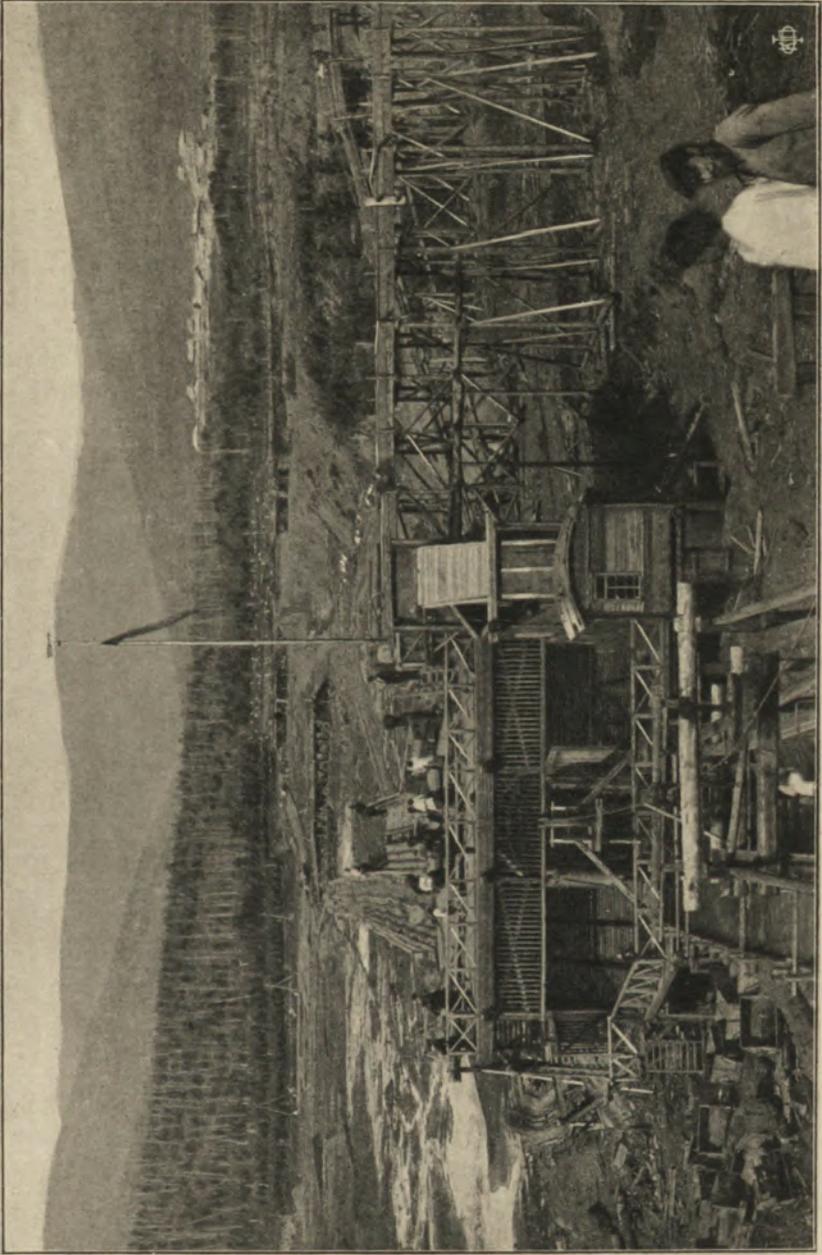
Бочка представляетъ собою усѣченный конусъ изъ такого же толстаго листоваго желѣза, что и дно чаши, и съ такими же дырами. Длина конуса или бочки простирается отъ $4\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ и 8 арш., діаметръ меньшаго сѣченія бываетъ $1\frac{3}{4}$ до 2 и большаго $1\frac{3}{4}$ — $2\frac{3}{4}$ арш.

Этотъ усѣченный конусъ или бочка посредствомъ толстой желѣзной квадратной оси, (3—4 вершк.), къ которой она прикрѣпляется прочными крестовинами, утверждается горизонтально на подушкахъ въ подшипникахъ и приводится въ движеніе со скоростью отъ 18—25 оборотовъ въ минуту. Внутри бочки прикрѣпляются по ея стѣнкѣ зубчатая ребровина, расположенная винтообразно и въ шахматномъ порядкѣ, причѣмъ часть ихъ распредѣляется въ направленіи обратномъ ея движенію. Пески для промывки сваливаютъ въ бочку черезъ меньшій ея діаметръ, на нихъ направляютъ сильныя струи воды посредствомъ брызгалъ, помѣщенныхъ въ обоихъ концахъ бочки. При вращеніи ея, прикрѣпленные внутри ребровины, то

поднимаютъ пески къ верху, то отбрасываютъ назадъ, то впередъ, такъ что, при сильномъ орошеніи, струями воды пески чисто размываются и золото съ эфелями проваливается чрезъ дыры въ бочкѣ на шлюзъ. Болѣе крупныя камни отходятъ въ люкъ черезъ конешъ бочки съ большимъ діаметромъ и отвозятся въ отвалы.

Шлюзъ, расположенный подъ бочкой, дѣлается изъ деревянныхъ толстыхъ досокъ, старательно сплоченныхъ, ширина его равна ширинѣ бочки, длина же бываетъ не менѣе 15 арш., паденіе ему придаютъ отъ 3—до 4-хъ вершк. на каждый аршинъ длины. По всей длинѣ шлюза и во всю ширину его укладываются разнаго рода ловушки большею частію въ видѣ деревянныхъ рѣшетокъ, вышиной не болѣе одного вершка. Въ этихъ рѣшеткахъ или брускахъ осаждаются золото вмѣстѣ съ тяжелымъ пескомъ и камешками; болѣе легкій песокъ и камешки уносятся на конешъ шлюза въ корыта, изъ которыхъ подымаются ленточными черпаками въ люки и затѣмъ отвозятся въ отвалы. Въ концѣ шлюза помѣщаютъ иногда сосуды со ртутью или мѣдныя листы, покрытые слоемъ соргутка, чрезъ которые заставляютъ проходить всю мусть съ мелкими камешками вмѣстѣ.

Вся сущность возможно наилучшей промывки и выдѣленія золота заключается прежде всего въ полномъ разжиженіи массы песковъ, затѣмъ въ приданіи движущейся по шлюзу мути требующейся скорости и въ уравненіи ея слоя по всей ширинѣ шлюза.—Если на шлюзѣ образуются наметы или кучи песку или

появятся отдѣльныя струи, то сносъ золота можетъ дойти до значительныхъ размѣровъ.

Какъ бы правильно и старательно ни производилась промывка песковъ, но сносъ золота все-таки бываетъ всегда и вездѣ, почему и горныя правила допускаютъ его до 4-хъ доль на 100 пуд. промытыхъ песковъ. Съ увѣренностью возможно сказать, что онъ всегда бываетъ больше, чему причиной служитъ высокая дѣлимость золота высокой пробы. Определить въ точности потерю золота при промывкѣ почти что не возможно, но что она всегда значительно больше той потери, которая опредѣляется тщательно промытыми пробами песковъ, это безспорно доказывается тѣмъ, что ртуть въ установленныхъ ящикахъ въ струѣ мути, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ промывальныхъ машинъ—всегда амальгамируется золотомъ ¹⁾.

Золотопромышленники какъ у насъ, такъ и заграницей вполне сознаютъ несовершенство промывки, прибѣгаютъ къ помощи науки, но пока еще никакихъ рациональныхъ способовъ не найдено. Между тѣмъ не умолимая дѣйствительность не перестаетъ указывать, что потеря золота при всѣхъ существующихъ способахъ промывокъ далеко не ничтожная. Больше всего подтверждаютъ эту истину ефельные отвалы. Уже давно стало извѣстно, что отвалы эти, пролежавъ 5—6 лѣтъ и послѣ тщательной промывки, оказы-

¹⁾ Теперь практикуются шлюзы съ болѣе отлогимъ паденіемъ отъ 4-хъ до 7¹/₂ вершковъ на сажень, при возможности усилить и орошеніе.

ваются съ золотомъ, стоящимъ вторичной обработки. Многочисленныя наблюденія позволяютъ сдѣлать уже выводъ, что эфеля, подвергаясь рѣзкимъ колебаніямъ температуры и другимъ атмосфернымъ явленіямъ, разрушаются, вслѣдствіе чего содержащееся въ нихъ золото освобождается, т. е. что тутъ дѣйствовали тѣ же силы природы, которыя образовали и золотую розсыпь. Понятно, что фактъ этотъ указалъ прямо на химическую обработку, но многочисленные опыты, не смотря на полученные хорошіе результаты, оказались всѣ пока очень дорогими, и вопросъ этотъ остается открытымъ и по настоящее время.

Кромѣ бочекъ и чашъ для промывки золота употребляются еще и сплотки или какъ ихъ называютъ американки. Они имѣютъ видъ корытъ, ширина дна которыхъ равна 6—8 вершк., а высота 8—10 вершк. Длина ихъ бываетъ различная иногда и болѣе 20 сажень, паденіе имъ придають 1—4 врешк., на арш. длины; днища ихъ устилаются поперечными деревянными брусками или желѣзными; пески набрасываются въ нихъ или ручнымъ способомъ или сваливаются таратайками. Сильной струею воды они прогоняются по сплоткамъ, пока не размоются. Находящіеся при немъ люди разравниваютъ гальки и грунтъ и не даютъ имъ останавливаться; большіе камни тутъ же выбрасываются, а промытые камни уже скопляются въ люкахъ и отвозятся въ отвалы. Этотъ способъ промывки ¹⁾ пе-

¹⁾ Промывальные сплотки были приспособлены Горн. Ивж. Кулибнымъ, почему и называются кулибинками.

сковъ требуетъ много людей, отвозка промытыхъ песковъ очень затруднительна для людей и лошадей, а въ холодное время года и вредна, такъ какъ ни люди, ни лошади не могутъ избѣжать мокроты. Кромѣ того способъ этотъ развиваетъ кражу золота. Глинистые пески не доступны для промывки на этихъ сплоткахъ; посредствомъ ихъ возможна промывка только рѣчниковатыхъ, безсвязныхъ песковъ, но такіе пески если и попадаютъ, то очень рѣдко, да и то въ нѣкоторыхъ только частяхъ розсыпей. Всѣ варіаціи въ устройствѣ промывальныхъ сплотовъ имѣютъ цѣлю удешевить промывку, избѣгая значительную стоимость двигателей, необходимыхъ при бочечной системѣ. Хотя они и достигаютъ въ этомъ случаѣ своей цѣли, но за то увеличиваютъ количество рабочихъ людей. При небольшихъ работахъ, притомъ въ отдаленныхъ тайгахъ кулибинки употребляются часто съ выгодною.

Комбинація, американки съ бочкой, дала очень хорошіе результаты И. К. Дарогона (бывшая привил.). Эта промывальная машина состоитъ изъ прочныхъ сплотовъ, установленныхъ отъ самой свалки песковъ съ такимъ паденіемъ (отъ 2-хъ до 5 вершк. на 1 арш.), при которомъ вся хорошо разжиженная масса песковъ, безъ задержки, сама проходила бы свободно въ бочку обыкновеннаго устройства, только нѣсколько короче (до 4 аршинъ). Въ этихъ приѣмныхъ сплоткахъ въ днѣ дѣлаются поперечные прорѣзы, въ которые проваливаются размытыя части песковъ, вмѣстѣ съ золотомъ, и проводятся жолобами на шлюзъ. Золото осаждается въ сплоткахъ и жолобьяхъ а затѣмъ на шлюзѣ, по-

мѣщенномъ подъ бочкой. Такое устройство промывальной машины облегчаетъ движеніе бочки, уменьшая значительно ея работу; даетъ возможность разжижать до желательной степени пески по всей длинѣ сплотовъ, что способствуетъ болѣе удобному осажденію золота. Промывка же песковъ, даже и глинистыхъ, увеличивается на столько, на сколько требуется, вслѣдствіе чего совершенно свободно можетъ быть доведена и за 100 т. пудовъ песковъ въ 12 часовъ работу. Но и эта машина имѣетъ свои неудобства; прежде всего она требуетъ большаго количества воды, она увеличиваетъ вышину машины и главное высоту подъема воды.

Отвозка торфовъ въ отвалы и доставка золотыхъ песковъ къ промывальнымъ машинамъ производилась преимущественно на лошадяхъ по грунтовымъ и по рельсовымъ путямъ, паровая же тяга практикуется пока весьма мало.

Первобытный способъ передвиженія грунта на лошадяхъ въ опрокидывающихся таратайкахъ по грунтовымъ дорогамъ примѣненъ вездѣ и при всякихъ условіяхъ разработки приисковъ, но онъ требуетъ большаго количества лошадей, стоящихъ всегда дорого въ особенности въ отдаленныхъ тайгахъ. Здѣсь не рѣдко доставка одного пуда овса доходить до 3—4 рублей, а сѣна до 2-хъ рублей за пудъ. Такая дороговизна содержанія лошадей при частныхъ эпизотіяхъ (сибирской язвы) заставила золотопромышленниковъ прибѣгнуть къ желѣзнымъ дорогамъ въ видѣ переноснаго рельсоваго пути. Переносныя дороги были

вполнѣ удачно примѣнены въ первый разъ къ золотому дѣлу на одномъ изъ Міасскихъ пріисковъ въ 1879 г., гдѣ подвозъ песковъ отъ забоевъ къ машинѣ и отвозъ галекъ и эфелей въ отвалы производился по переноснымъ желѣзнымъ дорогамъ системы Дековиля, выписанной изъ Франціи вмѣстѣ съ черпочнымъ элеваторомъ для подъема золотыхъ песковъ къ свалочному локу. Въ настоящее время рельсы уже получили полное право гражданства.

Въ Амурскую тайгу была выслана передвижная желѣзная дорога системы «Сюкъ» еще въ 1876 г. съ черпачнымъ вертикальнымъ элеваторомъ, съ автоматическимъ тормазомъ или вѣрнѣе съ топоромъ системы Межи для подъема вагонетокъ и даже динамо-электрическая машина Грамма съ освѣтительными электрическими лампами системы Сотеръ Лямонье изъ Парижа. Ж. Дорога Ляртига, эскуаторы, драги все это уже примѣнено въ Амурской тайгѣ.

Если и практикуется еще въ Амурской тайгѣ доставка песковъ къ промывальнымъ машинамъ и отвозка торфяковъ въ отвалы по грунтовымъ дорогамъ, то только вслѣдствіе встрѣчающейся нерѣдко вѣчной мерзлоты грунта, которая не позволяетъ вести земляныя работы толстыми забоями, а заставляетъ снимать его слоями по мѣрѣ оттаяванія.

Примѣненіе драгъ къ золотопромышленности на Амурѣ съ легкаго почина В. Ам. К^о, получить вѣроятно въ скоромъ времени громадное развитіе какъ и въ Америкѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣчной мерзлоты, гдѣ имѣется достаточно воды, тамъ драгу не смогутъ замѣнить

никакія ни желѣзныя дороги, ни эскуаторы ни даже и Гидравлическіе Американскіе краны. Приспособленные должнымъ образомъ къ золотому дѣлу, драги при своей способности выработать въ часъ 10 саж. и болѣе грунта и промывать его въ тоже время, упразднятъ отдѣльную вскрышу торфовъ, изгонять изъ тайги лошадь, всякія таратайки, вагоны, корзины, сплотки и всѣ другія, дорого стоящія, машины и орудія, дадутъ возможность съ выгодой разрабатывать долины большихъ рѣкъ и морскихъ прибрежій.

Но абсолютнаго ничего на свѣтѣ нѣтъ, и драга имѣетъ свои недостатки: прежде всего она заваливаетъ выработку или почву промытыми песками, что лишаетъ возможности слѣдить за чистотою выработки розсыпи. При вычерпываніи же золотого пласта въ водѣ часть золота будетъ неминуемо смываться. Сама драга, по дороговизнѣ своей и при необходимости покупки ея за границей, мало доступна для небогатыхъ людей. Хотя всѣ эти недостатки и справедливы, но громадныя выгоды, предоставляемая ею, съ избыткомъ окупаютъ ихъ, и драга займетъ въ недалекомъ будущемъ первенствующее мѣсто между всѣми способами эксплуатаціи приисковъ.

Избравъ цѣликъ для разработки, смѣта опредѣляетъ работы ихъ стоимость по устройству перемычекъ или плотинъ для скопленія воды; водоотводныхъ канавъ для защиты земляныхъ работъ отъ затопленія водою, проведеніе капитальной канавы, очень необходимой для осушенія земляныхъ работъ въ разрѣзѣ (мѣсто земляныхъ работъ), стоящей дорого, такъ

какъ стѣнки ея почти всегда приходится обшивать лѣсомъ.

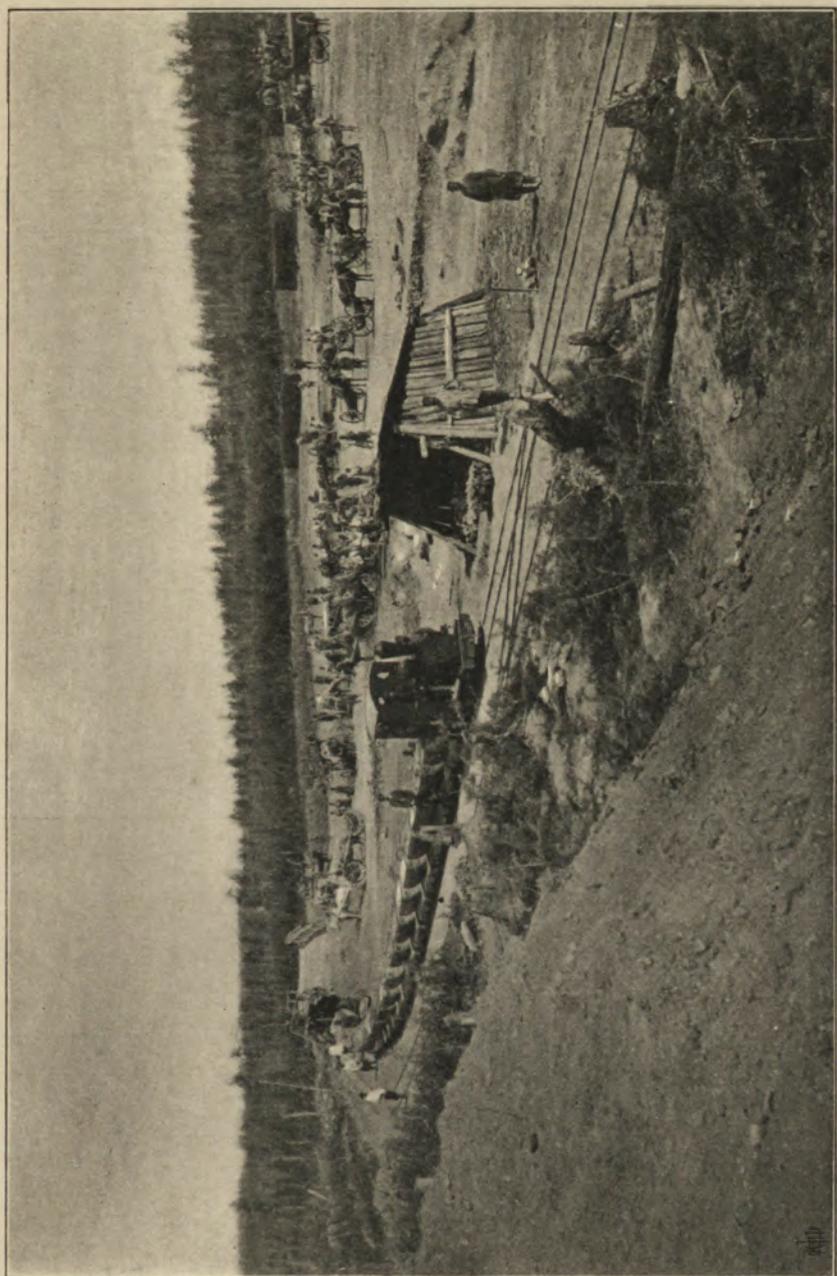
Если проведеніе капитальной канавы затруднительно и должно стоить очень дорого, то не рѣдко предпочитаютъ ставить для осушенія работъ центробѣжные насосы (центрофуги).

Для проведенія воды въ количествѣ, необходимомъ для промывки песковъ, изъ перемычки къ золотопромывальной машинѣ, проектируется устройство сплотовъ, или трубъ, согласно съ избраннымъ типомъ промывочной машины и требующагося отъ нея количества денной промывки золотыхъ песковъ.

Способъ, расчетъ заготовленій и доставка всего необходимаго на пріиска въ Амурской тайгѣ, разбросанные группами на длинѣ почти что 3000 верстъ, составляетъ всегда громадный трудъ, требующій знанія экономическихъ условій всей Сибири, ея рынковъ и кромѣ того тщательнаго изученія топографіи тайги, отдѣляющей разрабатывающіеся пріиска отъ долины р. Амура,—не рѣдко сотнями верстъ.

Въ самой Амурской странѣ и въ настоящее время вслѣдствіе частныхъ неурожаевъ, наводненій, гибели всякаго рабочаго скота отъ разныхъ эпизотій, трудно бываетъ дѣлать заготовленія и приходится не рѣдко прибѣгать къ отдаленнымъ на тысячи верстъ Сибирскимъ рынкамъ. Даже въ дѣлѣ заготовленія припасовъ и фуража, были случаи закупа муки и овса въ Одессѣ. Съ 1868 г., т. е. съ первой разработки пріисковъ Верхне-Амурской К^о и по настоящее время, само-собою разумѣется, практикой выяснились вполне

обстоятельно всѣ рынки для всевозможныхъ заготовокъ, а равно способы и стоимость доставки ихъ на Амуръ. Доставка же всего груза на приискъ въ новыхъ мѣстностяхъ представляетъ часто трудно одолимья препятствія и стоитъ очень дорого. Неоспоримымъ доказательствомъ тому служить напр. тотъ фактъ, что всѣ почти Компаніи, разрабатывающія прииски въ Амурской странѣ, имѣютъ свои пароходы и пароходы притомъ еще разныхъ типовъ, согласно характеру горныхъ рѣкъ. Кромѣ пароходовъ для доставки грузовъ на прииска требуется еще и проведеніе по крайней мѣрѣ удобной зимней дороги и организациі на ней хозяйственнымъ способомъ своихъ обозовъ. Кромѣ того нужна также и лѣтняя выючная дорога для сообщенія съ приискомъ, т. е. для провоза почтъ, проѣзда таежной полиціи, ревизоровъ, для доставки золота и проч. Снабженіе приисковъ сѣномъ часто бываетъ очень затруднительно; случается большею частью, что на многія десятки верстъ вся мѣстность вокругъ приисковъ покрыта одними мхами и необходимость заставляетъ заводить луга вдали отъ приисковъ въ долинахъ большихъ рѣкъ. Эти же луга, для поставки на нихъ сѣна, нуждаются въ немаломъ трудѣ, прежде всего въ очисткѣ отъ наносовъ валежника, въ повторительныхъ выжиганіяхъ и въ осушкѣ канавами. Все это требуетъ, кромѣ значительной затраты капитала, еще и большой опытности, хорошаго знанія топографіи мѣстности и привычки къ таежной жизни, такъ какъ смѣта должна опредѣлить и расплѣнить всѣ пертурбаціи какъ съ грузомъ, такъ и съ рабочими

людьми, съ убойнымъ и рабочимъ скотомъ. Необходимо здѣсь сказать, что каждая лошадь требуетъ въ годъ 250 пуд. сѣна и до 180 пуд. овса, а человѣкъ до 75 пуд. разнаго груза. За ничтожныя повидимому ошибки и неопытность, за незнаніе условій таежной жизни, часто приходится жестоко платиться во время разработки прииска. Для примѣра приведу факты первогодней разработки рѣки Джалинды Верхне-Амурской К°. Чтобы доработать операцію пришлось на Васильевскомъ приискѣ лѣтомъ устраивать мукомольную мельницу, чтобы перемалывать пшено, взаменъ недостающей муки, увеличить болѣе чѣмъ вдвое мясную порцію рабочимъ, а сѣно возить за 25—30 верстъ въ больничныхъ тюфякахъ вьючнымъ способомъ на быкахъ.

Кромѣ пароходовъ, лодокъ, лошадей и оленей служатъ для перевозки грузовъ въ западной части Амурской тайги верблюды, а въ Восточной ѣздовыя собаки. Какъ на верблюдахъ, такъ и на собакахъ перевозятъ грузы только зимою. Верблюды прекрасно переносятъ таежныя зимы, ихъ впрягаютъ по одному въ сани, груза везутъ они по гористой дорогѣ 35—40 пудовъ. Кормятся они сами, находя не прихотливую свою пищу въ лѣсу—ѣдятъ они такія растенія, какихъ ни ѣсть ни одно домашнее животное: колючія растенія, кустарники, молодые побѣги хвойныхъ деревьевъ составляютъ ихъ пищу, въ видѣ лакомства еще даютъ имъ небольшое количество мелкаго сѣна съ ничтожной прибавкой соли. Для предохраненія ихъ мягкихъ лапъ отъ наминокъ и отъ паденія на скользкихъ наледяхъ

надѣваютъ на ихъ ноги калоши изъ толстой кожи. Верблюды вдвое сильнѣе и переносливѣе лошади и меньше требуетъ за собою ухода. Съ наступленіемъ весны верблюдовъ угоняютъ въ ихъ высокія сухія степи въ Забайкаліи и въ Монголіи, такъ какъ ни микроты, ни овода они выносить не могутъ.

Ѣздовыя собаки служатъ въ пріисковомъ дѣлѣ для доставки почтъ, для проѣзда служащихъ и для провоза легкихъ грузовъ. Ни лошади, ни олени замѣнить собакъ не могутъ, такъ какъ одни только они могутъ не проваливаясь бѣжать по глубокимъ снѣжнымъ надувамъ, которыми нерѣдко бываютъ покрыты широкія безлѣсныя долины рѣкъ и отлогіе склоны горъ, называемые въ Сибири марями и тинигусами.

Всѣ мѣстные жители инородцы держатъ Ѣздовыхъ собакъ, которыя составляютъ единственное ихъ домашнее животное, если не считать еще медвѣдей, но послѣднихъ можно скорѣе считать членами семейства, чѣмъ служебнымъ животнымъ.

Позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ объ этихъ аборигенахъ восточной части Амурской страны.

Гиляки, гольды и многіе другіе народцы, живущіе въ долинѣ р. Амура, въ устьяхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ съ Сѣвера, и на всей правой по теченію его сторонѣ отъ устья рѣки Уссури и до моря, принадлежатъ къ монгольскому племени и находятся почти на одной низкой степени развитія. Всѣ они грубые фитиши—шаманисты, обращающіеся безцеремонно со своими идолами. Такъ на примѣръ, сидитъ

гилякъ или гольдь зимою надъ прорубью неподвижно съ острогою въ рукѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ высматриваетъ появленіе рыбы, но ея нѣтъ какъ нѣтъ. Вскакиваетъ тогда озлобленный дикарь на ноги и отпускаетъ своему идолу столько ударовъ палкой, сколько нужно, чтобы сорвать свою злобу. Затѣмъ ставитъ опять своего идола передъ собою на льду и опять садится надъ прорубью. Вдругъ быстрымъ ударомъ остроги добываетъ онъ большаго осетра, мгновенно отрѣзываетъ дикарь самый кончикъ хрящеватаго осетроваго носа, треть этимъ кускомъ лицо идола, униженно ему кланяется, стоя на колѣняхъ и прикасается подобострастно къ нему своимъ лбомъ. Никакой письменности народцы эти не имѣютъ, нравственность ихъ очень условная, они лживы, вороваты, вспыльчивые, мстительные и порядочные трусы—между ними гольды нѣсколько благодушнѣе, но всѣ они во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ далеко ниже Ороchonъ. Медвѣдей они считаютъ священными животными, почему всякій зажиточный дикарь держитъ у себя въ домѣ непременно медвѣдя, а иногда и двухъ. Гиляцкіе дома или юрты какъ вообще у всѣхъ прибрежныхъ жителей состоятъ изъ столбовъ, изъ которыхъ средніе высокіе; послѣдніе соединены князькомъ, отъ котораго идетъ къ короткимъ боковымъ столбамъ двускатная крыша, короткіе боковые столбы забраны легкимъ лѣсомъ и большими рамами, затянутыми просаленной бумагой вмѣсто стеколъ, эти же столбы стянуты внизу и вверху прочными погонными бревнами. Потолка не имѣется, полъ же глиняный. Внутри кругомъ всѣхъ стѣнъ

устроены низкія теплыя нары съ нѣсколькими топками, дымовыя трубы проведены въ землѣ въ наружу, гдѣ и входятъ въ высокія вертикальныя трубы, сдѣланныя изъ плетня, покрытаго слоемъ вязкой глины. Крѣпленіе столбовъ, служащихъ остовомъ ихъ домовъ, сдѣлано хорошо и умно и представляетъ собою удачное подражаніе конструкціи китайскихъ фанзъ. Крыты дома эти камышемъ, нерѣдко умазаннымъ и тонкимъ слоемъ глины. Зимой въ нихъ холодно, въ морозы термометръ показываетъ тепла все-таки около 8—9 градусовъ.

Между высокими двумя столбами устроено мѣсто для медвѣдя, привязанъ онъ къ этимъ двумъ столбамъ крѣпкими ремнями и можетъ сдѣлать не болѣе одного шага. Кажется онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, потому кто не обнаруживаетъ никакихъ попытокъ избавиться изъ своей неволи. Смотритъ онъ на все, предъ нимъ происходящее, своими спокойными добрыми глазами, съ видимымъ удовольствіемъ принимаетъ подачки въ видѣ сухарей, сахару, кусковъ рыбы и проч. и только развѣ иногда, будто шутя, отшвырнетъ въ сторону подвернувшуюся собаку. Медвѣди только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ неволю маленькими, большею частью ихъ ловятъ въ берлогахъ. Выслѣдивъ берлогу близъ деревни и изслѣдовавъ хорошенько одинъ ли онъ лежитъ въ ней—собираются на ловлю человекъ 40 и болѣе, будятъ его, и самый ловкій изъ нихъ накидываетъ ему на шею петлю, за два длинные конца отъ нея изъ крѣпкихъ веревокъ ухватываются всѣ поровну и такъ на развязяхъ и ведутъ его въ деревню.

Держать въ юртахъ медвѣдей по нѣскольکو лѣтъ, а затѣмъ при какомъ нибудь торжественномъ случаѣ убиваютъ его съ особенной церемоніей,—называемой медвѣжьимъ праздникомъ. На медвѣжьій праздникъ собирается дикарей нѣскольکو сотъ человѣкъ, для чего устраиваютъ особый дворъ, выводятъ его торжественно изъ юрты ставятъ во дворѣ въ почетномъ мѣстѣ, долго ему кланяются до земли, затѣмъ уже предоставляется самому искусному стрѣлку и въ то же время почетному гостю одной стрѣлой пущенной изъ лука убить его,—при этомъ всѣ падаютъ ницъ и говорятъ «прости, что тебя убили, но это не мы, это русскій». При всей этой церемоніи ни одна женщина присутствовать не можетъ, всѣ онѣ должны сидѣть въ юртахъ и не выходить изъ нихъ пока ихъ не позовутъ.

Мясомъ убитаго медвѣдя варенымъ и жаренымъ угощаютъ всѣхъ присутствующихъ на праздникѣ, пьютъ водку и пляшутъ; пляска же ихъ состоитъ вся въ притопываніи и переступаніи съ ноги на ногу подъ удары въ бубны да съ односложнымъ выкрикиваніемъ при далеко не граціозныхъ кувирканіяхъ и ужимкахъ.

Хорошіе и отважные охотники всѣми почитаются, а убившіе дикаго кабана копьемъ считаются князьями. Охота на дикаго кабана съ однимъ копьемъ дѣйствительно требуетъ отчаянной отваги, большой силы и ловкости. Убить кабана возможно только въ тотъ моментъ, когда онъ, задержанный собаками, готовится сдѣлать послѣднюю отчаянную атаку.

Всѣ Амурскіе инородцы считаютъ дикаго кабана самымъ свирѣпымъ и опаснымъ звѣремъ. Рѣдко дикій

кабанъ самъ на кого нибудь нападаетъ, но когда его чѣмъ нибудь раздражить—то онъ не даетъ никому пощады, даже и тигру, отъ котораго убѣгаютъ всѣ звѣри. Встрѣтившись съ тигромъ, они вступаютъ въ борьбу, изъ которой выходитъ живъ одинъ; не рѣдко уссурійскіе охотники находятъ мертвыхъ тигровъ, разсѣченныхъ клыкомъ кабана почти по всей длинѣ ихъ тѣла.

Собаки для ѣзды приучаются Амурскими инородцами съ третьяго мѣсяца жизни. Въ этомъ возрастѣ къ ихъ шеямъ прицѣпляютъ колодки и затѣмъ вѣсъ этихъ колодокъ постепенно увеличиваютъ, потомъ за шею же ихъ привязываютъ къ кольямъ. Все это продѣлываютъ съ ними, чтобы развить силу въ шейныхъ позвонкахъ и въ мускулахъ. Впрягаютъ ихъ въ легкія салазки, части которыхъ всѣ связаны крѣпкими ремнями, вѣсъ такихъ салазокъ не превышаетъ 20 ф., полозья подбиваютъ или китовымъ усомъ или гладкими костями; такія салазки называются нартами. Десять или двѣнадцать собакъ пристегиваютъ посредствомъ шлеекъ къ крѣпкой ременной веревкѣ, т. е. къ потягу, прикрѣпленному къ нартѣ. Ѣдутъ на собакахъ, сидя на нартѣ верхомъ, поставивъ ноги на полозья и держа въ каждой рукѣ по аншпугу съ желѣзными наконечниками. Управляютъ собаками голосомъ, выкрикивая обще-принятые командныя слова, такъ: чтобы повернуть направо, надо крикнуть кахъ, кахъ, и притормозить аншпугомъ, или какъ его называютъ оштоломъ, съ правой стороны; если налево, то кричатъ собакамъ кху, кху, если же прямо, то тахъ,

тахъ, тахъ, останавливаютъ же ихъ только однимъ торможеніемъ оштолами.

Хорошія собаки бѣгутъ очень скоро, стоверстное разстояніе возможно проѣхать въ 9—10 часовъ, съ грузомъ 15 пудовъ 12 собакъ бѣгутъ 6—7 верстъ въ часъ. Цѣна за собаку простирается отъ 3-хъ до 5 руб. Передовыя же собаки цѣнятся дорого, нерѣдко за хорошую передовую собаку платятъ болѣе 25 руб., а иногда 100 руб. и болѣе. Чутье и смысленость передовыхъ собакъ иногда проявляются въ непонятной степени. Когда воетъ пурга, гдѣ глаза залѣпляется крутящимся снѣгомъ, когда не видно даже и хвостовъ ближайшихъ собакъ, передовая собака идетъ осторожно, поводя носомъ изъ стороны въ сторону, вдругъ круто поворачиваетъ въ сторону и всегда приводитъ или къ жилью или къ лѣсу, гдѣ только и возможно спасеніе отъ неминуемой гибели. Попадая въ проталины и полыньи, передовая быстро переплываетъ ихъ въ кратчайшемъ направленіи, выскакиваетъ на ледъ, быстро бѣжитъ прямо, за нею слѣдуютъ дружно остальные собаки, вытаскиваютъ на ледъ и нарту и сѣдока, если онъ не отсталъ какъ нибудь отъ нарты. Что бы избѣжать такой опасности, каждый ѣздокъ всегда заматываетъ конецъ потяга за своимъ поясомъ; такая предосторожность всегда необходима при ѣздѣ на собакахъ, потому что свалиться съ нарты всегда опасно, такъ какъ собаки, никѣмъ не управляемыя могутъ убѣжать далеко. Случается часто, что собаки, учуявъ звѣря, бросаются въ сторону, чтобы его преслѣдовать, тогда передовая собака, не имѣя силы ихъ

остановить, бросается назад и затѣмъ въ сторону и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ спутаетъ ихъ въ узелъ, такъ что потомъ съ трудомъ возможно ихъ и распутать—словомъ хорошей передовой собаки въ этихъ всегда полныхъ всякихъ опасностей путешествіяхъ нѣтъ и цѣны. Ыздовья собаки обладаютъ особенностью угадывать полночь и дѣйствительно въ 12 часовъ ночи они поднимаютъ такой дружный вой, что трудно не проснуться и послѣ дневной тяжелой ѣзды на морозѣ,—ихъ совершенно справедливо называютъ Гиляскими пѣтухами.—Для корма ѣздовыхъ собакъ заготавливаютъ рунную рыбу, преимущественно такъ называемую на Амурѣ киту—это та же семга. Какъ только настаетъ конецъ лѣта, то всѣ инородцы занимаютъ только ловлей рыбы; они ее распластываютъ и вялятъ на солнцѣ пока она совсѣмъ не просохнетъ, въ такомъ видѣ она называется юколой и служитъ какъ кормъ для собакъ и какъ любимѣйшая пища себѣ самимъ,—слегка поджаренная на огнѣ и посоленная, она дѣйствительно и вкусна и очень питательна, ею не брезгаютъ всѣ, кого судьба занесетъ въ эту дикую страну.

Кромѣ передвиженія на собакахъ и посредствомъ другихъ способовъ, выше упомянутыхъ, въ поискахъ и въ развѣдкахъ приходится не рѣдко таскать грузъ и на себѣ.

Живетъ благополучно одинъ купецъ, теперь чуть-ли не миллионеръ, который доставлялъ своей развѣдочной партіи продовольствіе самъ со своею женою, переноса на себѣ сухари и проч. по дикой тайгѣ многіе десятки верстъ?

Въ виду вышесказаннаго здѣсь вообще, нельзя не признать, что къ пріисковому служащему предъявляются не маловажныя требованія, почему и оплата труда его должна бы хотя сколько нибудь соответствовать этимъ требованіямъ; но на дѣлѣ это рѣдко гдѣ случается, и пріисковые служащіе вознаграждаются сравнительно съ рабочимъ людомъ гораздо хуже. Разумѣется, цѣна за трудъ управляется спросомъ, но тутъ забывается еще нравственная сторона, которая вполне хорошо выражается пословицей «что дешево—то гнило»; всякій человѣкъ хорошо знаетъ цѣну себѣ и цѣну труду своему—и какъ бы нравствененъ онъ ни былъ, но все же недовольный человѣкъ помимо своей воли, работаетъ не такъ, какъ человѣкъ довольный и обеспеченный. Эту истину, къ несчастію, часто забываютъ Гг. капиталисты, чѣмъ всегда сами себя и наказываютъ. Справедливость невольно требуетъ признать, что пріисковый служащій, въ общемъ сужденіи о всемъ контингентѣ ихъ, безусловно хорошъ и вполне соответствуетъ требованіямъ пріисковаго таежнаго дѣла. Онъ любитъ его, и только потерянное здоровье поневолѣ заставляетъ уйдти изъ тайги и затѣмъ до могилы вспоминать ее. Да и какъ ни странно, какъ ни удивителенъ фактъ, но человѣкъ всегда любитъ то, что тяжело ему досталось. Выше упоминалось, говоря о поискахъ, о томъ, какой великій соблазнъ представляется въ нихъ служакѣ воспользоваться чужимъ добромъ, скажемъ и здѣсь, что большой соблазнъ нажить деньги, навязывается ему какъ при развѣдкахъ, такъ и при разработкахъ пріисковъ.

Однако же самое дѣло доказываетъ, что приисковый служащій, за весьма ничтожными исключеніями, стоически умѣетъ воздержаться отъ всякихъ соблазновъ— и умираетъ большею частью бѣднякомъ, если только ему не удалось обезпечить себя попутными деньгами за участіе въ открытіяхъ золотыхъ россыпей.

Разработка приисковъ не большой командой рабочихъ 150—200 человекъ требуетъ сравнительно значительнаго числа служащихъ, а именно: управляющій дѣломъ 1, завѣдывающій земляными работами 1, при машинѣ 1, завѣд. конюшней 1, при отвалахъ 1, въ разрѣзахъ 4, матеріальный 1, его помощникъ 1, резидентъ 1, при больницѣ 1, для исполненія порученій 1, конторщикъ 1, табельщикъ 1, писарей 2. Принимая средніе оклады жалованья, оказывается, что одно управление обходится до двадцати тысячъ рублей.

Наемъ рабочихъ людей на Амурскіе прииска вначалѣ развитія тамъ золотаго дѣла представлялъ не малыя затрудненія: рабочій людъ боялся неизвѣстной еще далекой тайги, такъ что приходилось нанимать ихъ по всей Сибири. Однако большіе задатки, хорошее содержаніе, прекрасные заработки, затѣмъ открытіе богатыхъ россыпей съ крупнымъ золотомъ, наконецъ баснословные слухи о желтугинской республикѣ съ ея богатствомъ и полной волей, все это сдѣлало Амурскую тайгу до того заманчивой, что тамъ образовался свой контингентъ рабочихъ. Уже давно все потребное количество рабочихъ для приисковъ нанимается на самомъ Амурѣ, въ Благовѣщенскѣ. Теперь рабочіе хорошо знаютъ Амурскую тайгу, условія ра-

боть и быть на пріискахъ: уже сложились здѣсь свои обычаи, правила, сдѣлавшіеся одинаково обязательными какъ для нанимателей, такъ и для нанимающихся, и жизнь пріисковая давно течетъ здѣсь своимъ твердо установившимся русломъ.

Пріисковый рабочій дѣйствительно работаетъ лѣтомъ много и работа его тяжелая, требующая много затраты мускульной силы, снаровки, выносливости и привычки къ суровому таежному климату. За то онъ получаетъ и соотвѣтственную своей работѣ пищу, ежедневно не менѣе 1 фунт. мяса, чай, кашу съ масломъ, или съ саломъ, хлѣба печенаго ѣсть сколько пожелаетъ. Дать такую обильную и питательную пищу рабочимъ составляетъ прямой расчетъ для золотопромышленника, такъ какъ въ противномъ случаѣ грошевая экономія отзовется для него всегда значительными потерями вслѣдствіе недоработка уроковъ и увеличенія числа заболѣвающихъ. Сложившееся мнѣніе о развращающемъ будто-бы вліяніи пріисковой жизни на рабочій людъ вообще само-сабою падаетъ даже и [при поверхностномъ знакомствѣ съ нею. Распространители этого несправедливаго мнѣнія, дешевые гуманисты, дѣлали свои выводы на основаніи наблюдений, сдѣланныхъ ими, надъ безшабашными кутежами вышедшихъ изъ тайги рабочихъ, послѣ шестимѣсячнаго трезваго ихъ труда. Нужно было-бы прежде такого вывода дать себѣ трудъ узнать, какой процентъ изъ общаго числа рабочихъ такъ безобразно пьянствуетъ и кто такіе эти кутилы? Такого рода изслѣдованія дали бы данныя, говорящія вполне въ пользу

таежныхъ рабочихъ и ставящія ихъ несравненно выше всякихъ фабричныхъ и заводскихъ мастеровыхъ. Нельзя здѣсь кромѣ того не замѣтить, что идутъ на пріиска прежде всего люди безхозяйственные, желающіе вырваться изъ рукъ деревенскихъ и всякихъ кулаковъ; затѣмъ пріиска поглощаютъ ту часть сельскаго и городскаго населенія, которая не можетъ по своей натурѣ удовлетворяться спокойной и ровной жизнью въ деревнѣ и городѣ, гдѣ люди эти составляютъ одну только тяжесть для обществъ и, наконецъ, уходятъ на пріиска людъ, переживающій какіе нибудь кризисы, выбившіе ихъ изъ нормальной колеи. Всѣхъ этихъ людей, нежелательныхъ и бесполезныхъ какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, утилизируютъ пріиски, благодаря могучей ихъ силѣ, состоящей въ полномъ отсутствіи кабака и неразлучныхъ съ нимъ всяческихъ соблазновъ. Всѣ эти люди, при строгомъ пріисковомъ режимѣ, работѣ на открытомъ воздухѣ, а не въ душныхъ мастерскихъ при хорошемъ питаніи,—дѣлаются не далѣе мѣсячнаго времени не только благоразумными, но часто даже и бережливыми до скупости. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить тотъ вездѣ наблюдающійся фактъ, что пріисковый людъ всегда и вездѣ обременяетъ пріисковыя управленія просьбами о посылкѣ ихъ заработковъ на родину въ свое мѣсто жительства, просьбами, предъявляемыми всегда передъ покосами и передъ уборкой хлѣба. Къ несчастію эти ихъ добрыя намѣренія часто рушатся по выходѣ ихъ съ пріисковъ въ деревни, гдѣ господствующая надо всѣмъ сила кабака

гонить ихъ опять въ тайгу. Что золотопромышленники чужды какихъ бы то ни было тутъ подвоховъ и сдѣлокъ съ кабакомъ, доказываетъ тотъ фактъ, что всѣ почти Компаніи, отвозятъ на своихъ пароходахъ всѣхъ рабочихъ даромъ съ Амура въ Забайкалье до Стрѣтенска и до г. Нерчинска; а еще и большимъ аргументомъ можетъ служить то обстоятельство, что по окончаніи лѣтнихъ работъ, т. е. съ 1 Октября и до Апрѣля въ теченіи всѣхъ этихъ 6-ти мѣсяцевъ на приискахъ требуется только 10⁰/₁₀₀ изъ лѣтней команды, да и то большая часть изъ этого числа рабочихъ состоитъ изъ мастеровыхъ, пильщиковъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, слесарей и проч.

Высказанное здѣсь мнѣніе о приисковыхъ рабочихъ подтверждается и высшими административными лицами. Такъ, Амурскій Губернаторъ упомянулъ въ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что въ 1890 году выходъ рабочихъ произошелъ въ полномъ порядкѣ при отсутствіи пьянства, разгула и какихъ либо безпорядковъ. Господинъ Губернаторъ приписываетъ это отрадное явленіе вліянію школы и церкви. Не отрицая нисколько благодѣтельнаго вліянія школъ и признавая великое значеніе въ жизни народа церкви, мы, относясь исключительно къ упомянутому факту, позволяемъ себѣ иначе объяснить его.

Разгулъ и безшабашное пьянство уменьшились вслѣдъ за открытіемъ вездѣ въ Сибири при волостяхъ почтовыхъ конторъ. Эта безусловно благодѣтельная мѣра дала возможность рабочему люду отсылать свои заработки семьѣ. Посылаемые ими деньги ранѣе че-

резъ волостныя правленія подвергались вычетамъ изъ нихъ разныхъ недоимокъ и сборовъ сперва въ волостномъ правленіи, а затѣмъ въ сельскомъ, такъ что, напримѣръ, изъ посланныхъ 25 руб. семья получала рѣдко и пять рублей, что и заставляло рабочихъ невольно держать деньги при себѣ, а при слабости человѣческой природы и наличности разныхъ соблазновъ порождало безшабашную трату денегъ, заработанныхъ такимъ тяжелымъ трудомъ. Въ настоящее время рабочіе безбоязненно высылаютъ деньги домой, зная, что семьи ихъ получаютъ все сполна, что они имъ выслали, при себѣ-же они оставляютъ незначительную сумму, необходимую для прохода домой.

Въ Амурской Газетѣ № 20 стр. 763 напечатано; «на прошлой недѣлѣ отправилась большая партія (около 600 ч.) прискоковыхъ рабочихъ на приски Амгунской золот. К°. Всѣ они крестьяне Верхнеуданскаго округа изъ «семейскихъ».—При наймѣ получили отъ 45 до 60 руб. на человѣка. Есть между ними и семейные, но такихъ очень мало. Можетъ быть потому, что это «семейскіе», между ними почти не замѣтно было обычнаго среди прискателей разгула, изъ всей массы нашлась только небольшая группа чело-вѣкъ въ 5—6, которые сидѣли на берегу около пристани и роспивали «очищенную». И какой это здоровый народъ!»

П р и с к ъ .

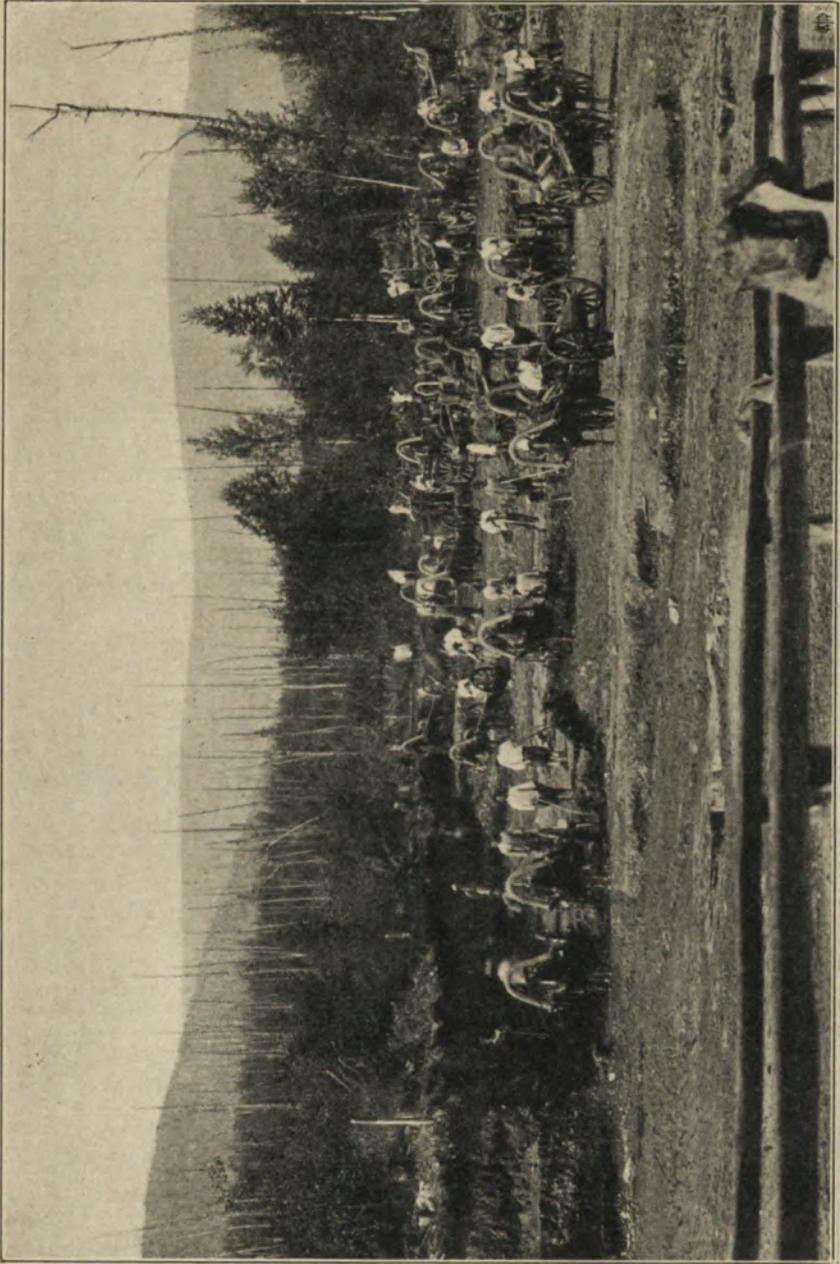
Тайга будто посвѣтлѣла, видятся кое гдѣ пни срубленныхъ деревьевъ, по сторонамъ и подъ ногами выступаетъ нѣчто въ родѣ колеи, тропа стала уже широкой и торной, лошади стригутъ ушами и шагаютъ бодрѣе, пахнуло жильемъ, слышится лай собакъ. Проходитъ еще не много времени и съ перевала въ глубокой долиноѣ сквозь легкую пелену дыма или тумана виденъ пріискъ. Длинными лентами тянутся водопроводныя сплотки, упирающіяся въ какія-то причудливыя строенія; чернѣютъ прямыми линиями канавы, снуютъ, копашатся суетливо по всѣмъ направленіямъ какъ муравьи люди съ лошадьми. Затѣмъ вырастаютъ опрятныя, щеголеватые домики, видится надпись, «контора»; спѣшившійся путникъ выслушиваетъ радужныя привѣтствія и черезъ десятокъ минутъ уже сидитъ за кипящимъ самоваромъ въ чистенькой комнаткѣ. Отъ протесанныхъ стѣнъ чувствуется здоровый запахъ смолистаго дерева и вообще видно, что гостю здѣсь рады, и онъ невольно впадаетъ въ самое благодушное настроеніе духа.

Чистенькая комнатка, мягкая опрятная постель имѣютъ свою цѣну, послѣ многихъ ночлеговъ подъ открытымъ небомъ въ ѣдкомъ дымѣ костра единственнаго спасителя отъ назойливыхъ и беспощадныхъ комаровъ, мошекъ, оводовъ, доводящихъ до иступленія даже и покрытаго слоемъ смолы медвѣдя, загоня-

ющихъ громаднаго лося въ озера, выбивающихъ изъ тайги все живущее на каменные вершины гольцовъ, гдѣ лишь вѣчные вѣтра и холодокъ избавляютъ несчастныхъ отъ докучливаго нападенія и неотвязчивыхъ преслѣдованій таежныхъ насѣкомыхъ.

Вся эта тварь чередуется между собою въ теченіи сутокъ: такъ цѣлую ночь жужжитъ комаръ, проползая въ мельчайшія отверстія, чтобы дать работу своему хоботу; утромъ появляется міриадами всякая мошка, въ жару смѣняютъ ее всѣ сорта овода, выкусывающаго мгновенно изъ тѣла кусками мяса. При закатѣ солнца появляется опять мошка, нападенія которой смѣняетъ опять комаръ, и всѣ эти ужасные таежные бичи гораздо мучительнѣе чѣмъ всякая зимняя стужа, разныя пурги, бѣшенныя выюги и т. п.

Наступаетъ свѣжее очаровательное утро. Мѣрными рѣдкими ударами звонитъ колоколь, эхо въ разныхъ сторонахъ повторяетъ эти живые звуки. Востокъ залитъ яркимъ розовато-золотистымъ свѣтомъ и чрезъ нѣсколько времени вырвавшіеся изъ за горъ пучки солнечныхъ лучей разгораются на разорванныхъ утесахъ. Блеститъ отъ нихъ зеркальная поверхность прудовъ, зелень лѣсовъ начинаетъ красоваться неисчислимыми оттѣнками. Съ горныхъ вершинъ спускаются въ долины громадные клубы бѣлаго густаго тумана:— день будетъ жаркій. Изъ за тѣхъ-же горъ медленно выплываетъ гигантскій дискъ солнца и его нѣжными лучами наполняется вся долина и смягчаются рѣзкія краски загрубѣлыхъ лицъ рабочихъ; безмолвно, спокойно стоящихъ, опершись на ручки своихъ лопатъ.

Лица ихъ кажутся свѣжими, бодрыми, никто не позѣвнетъ и лѣнливо не выкрикнетъ про истому. Слышится рѣзкій голосъ: «1, 2, 3 артель подъ гальку и эфель»—4, 5, 6, 7, на зачистку—8, 9, 10 и т. д. въ забой,—съ Богомъ ребята! Взвивается затѣмъ флагъ на промывальной машинѣ, возчики на рысяхъ подають въ забой таратайки и вслѣдъ затѣмъ они тянутся одна за другой по пологому мосту на полки машины. Вся долина вдругъ оглашается рѣзкимъ трескомъ бочки: пріисковый день начался.

Въ разрѣзѣ (карьерѣ) рабочіе койлами поддалбливають отвѣсную стѣну песковъ; забойщикъ длиннымъ тяжелымъ ломомъ, мѣрными сильными ударами, откалываетъ крупныя глыбы. Ихъ разбивають койлами лопатами и бросають въ таратайки, которыя увозятся на полки промывальной машины. Здѣсь свальщики, сильнѣйшіе и расторопнѣйшіе изъ рабочихъ сваливають все добытое въ бочку. Вся работа идетъ быстро, но безъ суеты: люди и лошади всѣ знаютъ хорошо свои роли. Трескъ и стонъ бочки, грохотъ въ ней камней, шипѣніе брызгалъ, крики погонщиковъ лошадей, стукъ затворяющихся и отворяющихся дверей галечныхъ и эфельныхъ люковъ, пыхтѣніе паровой машины,—все это вмѣстѣ сливается въ какой-то страшный гамъ, оглушающій непривычнаго посѣтителя. Изъ подъ бочки по шлюзу льется во всю ширину, ровно несчетными струйками, муть, мѣняющая часто свои цвѣта. Тутъ, на этомъ шлюзѣ получается окончательно весь результатъ всей пріисковой сутолоки, на немъ сосредоточено все вниманіе служащихъ, которые уста-

навливаютъ брызгала для равномернаго распредѣленія движущейся по шлюзу жидкой массы.

Становится жарко: растегнуты у всѣхъ ворота рубашекъ, потому что всѣ въ поту. Вездѣ дымятся костры изъ гнилушекъ, ѣдкій дымъ которыхъ люди и лошади терпѣливо переносятъ ради избавленія отъ нападенія злого овода всевозможныхъ видовъ и родовъ.

Но вотъ заржали одна, другая лошадь, ихъ ржаніе подхватываютъ ихъ сотоварищи; медленно сползаетъ и флагъ,—мгновенно всѣ останавливаются. Трещить еще нѣсколько минутъ бочка и затѣмъ наступаетъ полная тишина. Бѣгутъ лошади къ скотному двору, люди направляются въ столовую, 11-ть часовъ: настала пора обѣда. Разрѣзъ опустѣлъ, только нѣсколько человѣкъ копошатся на шлюзѣ подъ бочкой. Вотъ онъ презрѣнный металлъ—лежитъ узкой лентой подъ бочкой во всю ширину шлюза: его снимаютъ сачками вмѣстѣ съ пескомъ въ ящики и отдѣляютъ начисто на вашгертахъ. Видъ его пока бѣлесоватый, но тутъ-же его поджарятъ на легкомъ огнѣ: ртуть испарится и золото принимаетъ свой натуральный цвѣтъ, для всего чело-вѣчества привлекательный.

Ссыпаютъ золото въ банку, которую запечатываютъ и, въ сопровожденіи казака, отправляютъ въ контору, гдѣ она и сохраняется въ особой кладовой. На приискѣ наступаетъ полная тишина. Легкой мглой стелется по всей долиинѣ горькій и ѣдкій дымъ тлѣющихъ кучъ гнилушекъ, мха, навоза. Только этотъ дымъ одинъ въ состояніи спасти отъ овода или, какъ

его называютъ въ Сибири, гнуса и даетъ возможность спокойно отдохнуть и людямъ, и лошадамъ.

Часа черезъ три опять гремитъ бочка, опять все въ движеніи. Медленно одна за другой тянутся таратайки къ машинѣ и, быстро гремя по мосту, спѣшати къ забоямъ, мелькають, блестя въ загорѣлыхъ крѣпкихъ рукахъ, лопаты, наполняются быстро землей таратайки, работа, что называется кипитъ ключемъ. Вдругъ кучка рабочихъ прекратила работу: что-то передають другъ другу, внимательно разсматривають, взвѣшиваютъ на ладони, пробуютъ на зубъ, это подняли самородку: только привычный глазъ прискоковыхъ рабочихъ можетъ замѣтить ее въ вязкой глинѣ. «Золотничковъ пятокъ будетъ», замѣчаетъ кто-то. «Нѣтъ, и за шесть перейдетъ», говоритъ другой, «значить красенькую сорвемъ сегодня» ребята, и водку пьемъ. Ну, будетъ!—давай ее сюда,—говоритъ забойщикъ, спускай въ банку. Подавай пески!—кричатъ съ половъ машины, и опять еще бойчѣе закипаетъ работа.

Стихаетъ понемногу жара. Тѣни становятся длиннѣе и длиннѣе. Пахнула свѣжая струя воздуха съ вершины рѣчки. Мошка цѣлыми тучами закрутилась надъ долиной. Громадный дискъ солнца медленно спускается за гору; ярко загорѣлись прощальные лучи его на изорванныхъ утесахъ горъ, придавая имъ причудливый, фантастическій видъ. Затихаетъ по немногу и трескъ бочки, вырисовываются правильной рѣзкой линіей борта разрѣза.

Рабочія артели сдають уроки, спорятъ: мѣрять,

перемѣриваютъ, быстро убираютъ кочки, обозначающія площадь и высоту дневной работы. Раздаются отрывистые свистки паровой машины. Медленно сползаетъ флагъ. Возчики правильными рядами устанавливаютъ пустыя таратайки, выпрягаютъ лошадей, вѣшаютъ подъ навѣсомъ на колышки въ порядкѣ сбрую и сдаютъ лошадей конюхамъ, каждый отдѣльно свою пару. Умывается рабочій людъ у сплотовъ и идетъ ужинать. Теперь сосредоточивается только работа на машинѣ: она ярко освѣщена кострами, фонарями и факелами. Во всю почти ширину шлюза подъ бочкой яркой полосой лежитъ золото, сходя на нѣтъ къ выпускному люку; на неопытный глазъ покажется его пуды здѣсь, но въ сущности его гораздо менѣе, чѣмъ кажется. Лежитъ оно на черныхъ шлихахъ, почему обмануть можетъ и привычнаго человѣка.

«Десять съ половиною фунтовъ будетъ», — говоритъ промывальщикъ, а онъ рѣдко ошибается и на поль-десятка золотниковъ.

Острыми сачками снимаютъ золото вмѣстѣ съ шлихами въ енды, затѣмъ убираютъ решетки и всѣ ловушки, слегка промучивая оставшійся на шлюзѣ песокъ съ эфелемъ, такъ что изъ промытыхъ за день 70 т. пудовъ песковъ наполняется 6—7 ендовъ т. е. 35—40 пуд., уносятъ къ большимъ вашгертамъ, на которыхъ и выдѣляютъ золото окончательно. Присковые промывальщики виртуозы своего дѣла; наблюдать за ихъ работой нужно внимательно, да еще требуется знать, какъ наблюдать. Бывали на прискахъ промывальщики, подъ гребками которыхъ исчезали

намѣченные ранѣе самородки, брошенные не замѣтно для нихъ въ енды и потомъ самородки эти оказывались у нихъ за голенищемъ сапога. Въ виду продѣлокъ этихъ фокусниковъ, промытые вечеромъ пески сохраняются до утра и промываются вторично въ присутствіи служащихъ. Кромѣ этого является полною необходимостію провѣрка работы промывальщиковъ самимъ завѣдующимъ работами.

Въ конторѣ очищается золото окончательно: магнитами, мельничками или простымъ продуваніемъ. Оно записывается въ шнуровую книгу за скрѣпой нѣсколькихъ лицъ, присутствовавшихъ какъ при сѣмѣ золота съ машины, такъ и при взвѣшиваніи. Тутъ же принимаютъ и подъемное золото. Взвѣшиваніе его и очистка происходитъ при сдающихъ рабочихъ, послѣ чего учиняется съ ними расчетъ. Получивъ на завтра распоряженія управляющаго, служащіе расходятся по домамъ и на пріискѣ наступаетъ тишина, нарушаемая изрѣдка постукиваніемъ караульныхъ да шумомъ воды, падающей со сплотовъ.

Но не всѣ однако предались сладостному сну... Въ казармахъ между рабочими идутъ какіе-то сговоры, таинственныя шушуканья, знаками они вызываютъ другъ друга, куда-то выходятъ, тогда какъ большая часть крѣпко спитъ.—По другой сторонѣ долины съ коннаго двора, тоже осторожно, ведутъ къ конторѣ осѣдланыхъ лошадей... Затѣвается что-то необыденное.

Около полуночи изъ за угла казармы показывается рабочій, за нимъ другой, третій, медленно, осторожно, одинъ за другимъ идутъ они по увалу,

останавливаются по временамъ у деревьевъ, стараясь быть незамѣченными. Не бѣглецы-ли это? Но нѣтъ,— не они, за плечами у нихъ нѣтъ катомокъ, да и одѣты они въ то же платье, въ которомъ днемъ работали, только въ рукахъ у нихъ по туязу¹⁾, да за поясами по топору. Дѣло ясно,—значить явился спиртонось, чтобы скупить краденое золото... Пронюхало появленіе заклятаго и не примиримаго врага своего, тоже и присковое управление—будетъ потѣха.

Добравшись благополучно до перевала, рабочіе свернули на заглохшую угольную дорогу, проложенную среди густаго ельника, спустились въ сухой логъ,—тутъ и угольные ямы. Присѣли, закурили трубочки и молча вслушиваются.

Кругомъ мертвая тишина, надъ головами свѣтятся на темномъ небѣ звѣзды, пролетѣла, тяжело взмахивая крыльями; ночная птица, по временамъ поскрипываютъ сосны, качаясь своими мохнатыми верхушками на высокихъ гладкихъ стволахъ, да назойливо жужжать комары.

Раздается отчетливо свистъ, схожій съ свистомъ рябчика; вотъ онъ повторяется еще нѣсколько разъ. Вскакиваютъ на ноги рабочіе, пробираются черезъ густой, какъ конопля молодой ельникъ прямо на свистъ и выходятъ на небольшую поляну, на ней свѣтится огонекъ. Осмотрѣвшись кругомъ, присаживаются путники на корточкахъ къ костру, тутъ на таганчикѣ навѣшенъ чайникъ, на спищѣ жарится кусокъ мяса,

¹⁾ Туязомъ называютъ въ Сибири посуду изъ березты для ношенія воды, ягодъ и проч.

шагахъ въ десяти за толстымъ кряжемъ валежника стоятъ три лошади, на двухъ изъ нихъ выюки, тутъ же тлѣтъ ѣдкій дымокъ—людей никого не видно.

— Ну, выходи, хозяинъ, пшеничку жать, давно созрѣла, не ровень, часъ осыплется, говоритъ одинъ изъ пришедшихъ.

Появляется спиртонось. Это знаменитый Архипка, снимаетъ онъ съ плечъ больше-калиберную двустволку, бережно ставитъ ее тутъ же у пня, здоровуется и присаживается тоже къ огоньку. За нимъ слѣдуетъ ворча небольшая черная собаченка, шерсть на ней похожа больше на щетину, морда острая, маленькія уши торчатъ къ верху, злымъ взглядомъ обводитъ она пришельцевъ и ложится, вода носомъ по сторонамъ.

Про смышленость и чутье этой собаченки, кличкой Жукъ и про лошадей Архипа рассказываютъ чудеса.

Самъ Архипъ небольшого роста, лѣтъ ему подъ пятьдесятъ, сложенъ клиномъ, плечи его неимоверно широки, бедра узкія, небольшая голова его посажена на толстую шею, рыжеватые волосы коротко выстрижены, борода рѣдкая съ просѣдью, у горбатаго носа, подъ густыми сросшимися бровями, бѣгають маленькіе безпокойные сѣрые глаза. Выраженіе лица у него лукавое и непріятное, но сила, отвага, ловкость видны въ каждомъ его движеніи, не даромъ же попалъ онъ почти въ легендарные таежные герои.

— Чего будемъ сидѣть даромъ, г-да купцы-продавцы, давайте дѣло дѣлать, говоритъ Архипъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, цѣны — старые: бутылка — золотникъ, — бумажекъ двѣ.

— Ты чего, Архипъ Терентичъ!—На что Карпушка и тотъ по три клаль.

— Ну три такъ три, кажите золото, оно и въ самомъ дѣлѣ у васъ, что—пшеница.

— Пшеничка то наша въ славѣ, а вотъ ты бы, Архипъ Терентичъ, брикаловкой своей похвасталь,—и сдача пошло бы веселѣе.

Архипъ, не вставая съ мѣста, досталь бутылку, принялся взвѣшивать золото, а бутылка стала переходить отъ рта ко рту. Золото Архипъ ссыпаль въ стволы винтовки и крѣпко забилъ пыжами.

— Не пожалѣль одначе ты Терентичъ сдобрить ее ханчиномъ ¹⁾.

— Врите больше, ханчинъ сталъ дороже спирта, китайскіе нойоны не пропускають, а о нашихъ и говорить нечего,—да чего болты болтать даромъ — золота у васъ 40 золотниковъ.

— Давай по двѣ красненькихъ, да наливай туязья—вотъ и расчетъ.

Отдаетъ спиртоносъ деньги, идетъ съ туязами къ выючнымъ, снимаетъ фляги, быстро наполняетъ посуду рабочихъ и опять вѣшаетъ ихъ на лошадей.

— Завтра, объ эту же пору,—въ Кополухиномъ бору, за горѣлымъ мостомъ, говорить Архипъ.

Въ это время Жукъ съ визгомъ кинулся въ ельникъ и сталъ неистово лаять. Робочіе исчезли, Архипъ схватилъ двустволку, съ костра чайникъ, дико гикнулъ на лошадей и всѣ исчезли, только трескъ да топотъ раз-

¹⁾ Ханчинъ китайская водка, очень крѣпкая, но съ непріятнымъ запахомъ.

давался по тайгѣ, а на поляну выѣхали 4 всадника.

— Опять увернулся дьяволь, сказалъ одинъ изъ нихъ и молча повернулъ лошадь назадъ; трое остальныхъ поѣхали за нимъ.

— Ну и чертъ, а не человѣкъ этотъ Архипъ, кромѣ него быть некому, говоритъ задній своему товарищу.

— У него только есть такіе кони, да и Жукъ тутъ—примѣта вѣрная.

— Добро, что самъ поѣхалъ съ нами, а то бы сталъ свои жалости разводить: выпустили, испужались, откупился...

— Хорошъ человѣкъ, да уже больно бьетъ словомъ.

Выбравшись на дорогу, поѣхали домой на рысяхъ, гдѣ утромъ на раскомандировку не вышло человѣкъ десять—такъ и не добудились ихъ.

— Оставьте ихъ, пусть проспятся, сказалъ управляющій, зная какой это у нихъ сонъ, и только рукой махнулъ, пусть ихъ пробываютъ.

Въ такой напряженной работѣ проходятъ на приискахъ дни за днями. Дождливое, большею частію, лѣто смѣняется безоблачной чудной сибирской осенью. Желтѣютъ деревья въ долинахъ; ночи наступаютъ холодныя съ ихъ свѣжими утренниками. Погибаетъ наконецъ весь таежный гнусъ, рабочій людъ начинаетъ хорошо спать, встаетъ веселымъ и бодрымъ. На заряхъ, во время раскомандировокъ, раздается уже въ горахъ длинный тонкій звукъ, какъ бы альпійскаго

рожка. Ему вторитъ въ горахъ эхо съ акомпаниментомъ вѣчнаго гула тайги. Смолкаетъ говоръ въ командѣ и всѣ невольно прислушиваются.

— Ишь, какъ его разбираетъ, шустрого!

— Поди ты какую жалость развелъ!

— Это робята насъ кабатчики зовутъ.

— И отошались-жь безъ насъ.

— Да вѣдь съ голоду только такъ и заголосишь.

Подшучивая другъ на другомъ на эту тему, расходятся всѣ по работамъ, а трели рожка нѣтъ-нѣтъ да опять и задрожать звонко въ разрѣженномъ воздухѣ. Отзывается и другой въ болѣе энергичномъ, но въ иномъ уже тонѣ. Опять наступитъ тишина; но вдругъ загрохочетъ бочка и прерветъ всякія думы. Снова закипаетъ обычная приисксовая работа.

Но кто же эти таинственные трубачи, заставившіе, хотя на мгновение, размечтаться даже и загрубѣлый прозаичный приисксовый людъ? Это краса тайги: легкій, быстрый, граціозный, какъ мечта, юной красавицы—Изиюбрь. Онъ это даетъ знать о себѣ своимъ дамамъ сердца и вызываетъ на смертный бой своихъ соперниковъ. И дѣйствительно, бой ихъ всегда жестокъ и беспощаденъ:—охотники находятъ иногда черепа двухъ самцовъ, огромные рога которыхъ такъ сплелись между собою, что разнять ихъ невозможно, не сломавъ нѣсколько отроговъ. Какъ ужасна была въ этомъ случаѣ смерть побѣдителя и какъ жестоко отомстилъ ему побѣжденный? Вообще вся оленья порода, включая сюда даже и домашнихъ оленей, осенью круто мѣняютъ свой нравъ: всегда добрые, послушные,

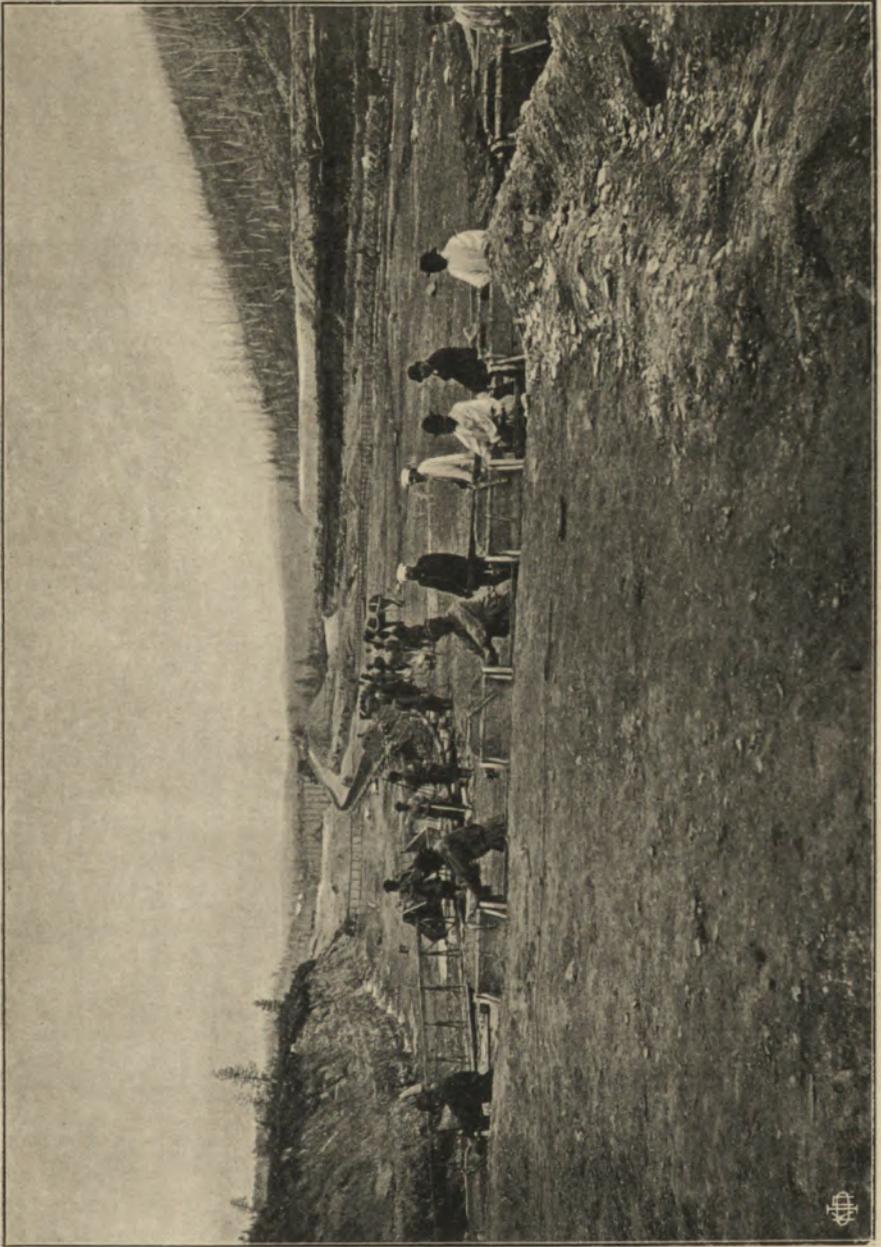
кроткіе, животные эти, въ августѣ и сентябрѣ, дѣлаются до того злы, что ихъ боятся даже и хозяева ихъ орочны. Въ это время, нерѣдко, дикіе олени вступаютъ въ единоборство съ домашними. Дерутся они сперва ногами и уже потомъ, освирипѣвъ, пускаютъ въ ходъ рога. Для этого они расходятся далеко другъ отъ друга и затѣмъ несутся съ неизмѣрною быстротой одинъ на другого. Болѣе хитрый и ловкій старается увернуться отъ смертельнаго удара и если это ему удастся, то промахнувшійся съ такой силой вонзаетъ свои рога въ землю, что самъ перевортывается навзничъ и падаетъ мертвымъ, со свернутой шеей. Кому доводилось видѣть эту жестокую борьбу,—эти, будто готовые выскочить изъ орбитъ, налитые кровью, глаза, эти раздувающіяся красныя ноздри, рты, выбрасывающіе клубы пѣны, страшно напряженные мускулы тѣла, тому не вѣрилось, чтобы это было то самое животное, кротостью и добронравіемъ котораго онъ до сего времени умилялся.

Утренники становятся день ото дня все свѣжѣе и свѣжѣе. Появляется на прудахъ ледъ, который сперва скоро таетъ подъ лучами солнца, но затѣмъ не поддается и имъ. А вотъ залетали и бѣлыя мухи, тайга бѣлѣетъ, лѣса свѣтлѣютъ:—конецъ работамъ.

Оживляется на время хмурая, мертвая тайга, трещать громадныя костры, освѣщая ярко загрубѣлыя лица таежниковъ; гремитъ по временамъ удалая пѣсня, то грозная, могучая, то безнадежно-унылая, дышащая тоскою, и вдругъ вырывается безшабашный акордь: всѣ впечатлѣнія смѣшиваются, и пѣсня становится зага-

дочной,—мудреной для размышленія, какъ и самъ народъ, ее сложившій.

Въ прошедшемъ 1898 г. миновало уже 30 лѣтъ добычи золота въ Амурской странѣ. Не мало сдѣлала она добра для пришлаго населенія края, давъ ему возможность окрѣпнуть на новыхъ мѣстахъ, въ него-степримной суровой странѣ; не мало создала она капиталовъ, не мало способствовала развитію торговли, промышленности; создала и укрѣпила громадное пароходство. Не мало положила тяжелаго труда и скромный, отважный и дѣльный пріисковый людъ въ борьбѣ съ дикой Амурской тайгой, ревностно охранявшей отнятыя у нея богатства. Не смотря на всѣ трудно преодолимая всякаго рода препятствія въ безлюдномъ краѣ, золотопромышленность Амурская не только что быстро сравнялась съ уровнемъ общаго развитія ея въ Сибири, но шагнула далеко впередъ: паръ, электричество, рельсы, элеваторы, эскуваторы, гидравлическіе краны, драги, шоссированныя на сотни верстъ дороги; посылка инженеровъ въ Америку, приглашеніе ихъ съ заграничныхъ золотыхъ пріисковъ, все это примѣнялось и практиковалось въ Амурской тайгѣ. Укоры, бросаемыя часто вообще русской золотопромышленности въ отсталости, косности, въ пренебреженіи наукой, въ кулачествѣ—разными профессиональными обличителями во чтобы то ни стало и радѣтелями будто бы народныхъ интересовъ, рѣшительно лишены всякаго подобія правды. Они могутъ вызывать только справедливыя негодованія въ средѣ таежныхъ тружениковъ.

Если какое нибудь изъ всѣхъ промышленныхъ дѣлъ не нуждается вовсе въ какихъ бы то ни было обсчитываніяхъ или въ притѣсненіяхъ рабочаго люда, и допускаеть напротивъ того всякія челоѡколюбивыя отношенія и притомъ съ прямой для себя выгодой, то это именно золотое таежное дѣло. Это безспорно доказываетъ даже одинъ внѣшній видъ пріисковаго рабочаго, по окончаніи пріисковыхъ операцій. Хотя и тяжела пріисковая работа, но она ведется всегда на открытомъ чистомъ воздухѣ, при хорошей постоянно свѣжей и обильной пищѣ и съ достаточнымъ отдыхомъ. Чистыя, съ обильнымъ объемомъ воздуха помещенія, хорошо организованная медицинская помощь, полное отсутствіе пьянства, картежной игры, разврата, хорошій заработокъ: все это благотѣльно дѣйствуетъ на здоровье и нравственность рабочихъ на пріискахъ. Странно было бы считать всѣхъ золотопромышленниковъ образцами добродѣтели, но нельзя не замѣтить здѣсь, что прямыя ихъ выгоды въ золотомъ дѣлѣ тѣсно соединены съ довольствомъ и здоровьемъ рабочихъ. Всякія заболѣванія въ рабочей командѣ, всякія вообще неудовольствія ея выражаются немедленно недоработками, т. е. громадными убытками, такъ какъ невозможность перемѣнить или усилить лѣтомъ рабочую команду, заставляетъ невольно пріисковыя управленія быть строго внимательными въ отношеніяхъ своимъ къ рабочему люду и заботиться о сохраненіи въ ихъ средѣ и съ ими самими мира и спокойствія. Возможно назвать, пожалуй, гуманность золотопромышленниковъ «гуманностью по необходи-

мости» пусть это и будетъ такъ, но что пріисковому рабочему живется лучше на пріискахъ, чѣмъ всякому другому рабочему люду на фабрикахъ, заводахъ въ центрѣ Россіи и даже въ столицахъ,—въ томъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ послѣдовало разрѣшеніе Правительства учреждать для эксплуатаціи пріисковъ Акціонерныя Компаніи. Казалось бы, что разрѣшеніе это подѣйствуетъ благоприятно на развитіе вообще золотопромышленности, но, къ сожалѣнію, пока еще ничего подобнаго не обнаружилось. Кажется, биржа оказала въ этомъ случаѣ золотому дѣлу, какъ и хлѣбной торговлѣ, «медвѣжью услугу»; не успѣла еще образоваться К°, не успѣла развернуть свои силы, какъ биржа, безъ всякихъ осмысленныхъ основаній, подняла курсъ ея 100 рублевыхъ акцій выше пятисотъ рублей и затѣмъ также безсмысленно уронила ихъ ниже 100 руб. Разумѣется, такія рѣзкія колебанія курса акцій не могли не внушить публикѣ совершенно основательныхъ опасеній къ ихъ пріобрѣтенію, и дальнѣйшее развитіе золотыхъ Акціонерныхъ К° должно было пріостановиться. Кромѣ вліянія биржи золотое акціонерное дѣло имѣетъ еще и другую свою слабую сторону, кроющуюся уже въ самой натурѣ его. Заключается она въ возможности легко подтасовывать большинство голосовъ въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, что даетъ возможность поставить во главѣ управленій людей и не видавшихъ даже въ глаза штиховаго золота, тогда какъ отъ распорядителей пріисками безусловно требуется знанія дѣла, края,

тайги и ея жизни, приобретаемыхъ исключительно личнымъ тяжелымъ трудомъ. Въ противномъ случаѣ золотое дѣло легко можетъ поглотить безслѣдно и многомилліонные капиталы, отъ которыхъ останется развѣ только одинъ чадъ раззоренія и сѣтованіе на злую судьбу. Вѣроятно время неумолимой своей дѣйствительностью обуздаетъ какъ аппетиты биржевиковъ, такъ и общія собранія, тогда акціонерныя К^о войдутъ въ свою нормальную колею и принесутъ золотому дѣлу громадныя выгоды, въ особенности при переходѣ его къ разработкѣ жильныхъ мѣсторожденій, которая представляетъ собою уже устойчивое, многолѣтне, чуждое всякой лихорадочности, дѣло. Безъ помощи же Акціонерныхъ Компаній оно не скоро еще можетъ развиваться должнымъ образомъ, такъ какъ громадныя затраты на развѣдку, обстановку золотыхъ рудниковъ, часто бываютъ тяжелы и непосильны отдѣльнымъ капиталистамъ.

Носятся упорные слухи, что допущеніе свободнаго обращенія шлиховаго золота составляетъ уже вопросъ рѣшенный. Безъ всякаго сомнѣнія возможно предполагать, что вопросъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе въ золотомъ дѣлѣ, и если при его введеніи будутъ установлены другія мѣры, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ сущности вещей въ этомъ случаѣ, то свободное обращеніе золота, какъ товара, окажетъ благотѣльное вліяніе на развитіе золотого дѣла. Между тѣмъ почти всѣ золотопромышленники высказались противъ разрѣшенія свободнаго обращенія золота. Что естественно произошло отъ причины,

выражаемой пословицей «пуганная ворона и куста боится», а главное отъ того, что всѣ они опасались замѣны упраздняющейся пошлины съ золота, увеличеніемъ поземельнаго налога съ земель, отводимыхъ подъ пріиски. Боязнь золотопромышленниковъ увеличенія поземельнаго налога имѣеть серьезное основаніе, такъ какъ увеличеніе это грозитъ гибелью крупной золотопромышленности—а такъ какъ мелкая золотопромышленность не самостоятельна, а составляетъ только какъ бы дополненіе къ крупной, то упадокъ всего золотого дѣла будетъ несомнѣннымъ фактомъ.

Вообще далеко не богатые наши золотыя розсыпи, залегающія, за рѣдкими исключеніями, въ высшей степени неправильно, узкими и разбросанными полосами, при дорого стоящихъ поискахъ, развѣдкахъ и разработкахъ, требуютъ непремѣнно занятія обширныхъ площадей, чтобы возможно было имѣть, хотя въ виду запасы золота необходимыя для покрытія предварительныхъ громадныхъ затратъ капитала. Нельзя забывать тоже, что всѣ почти золотыя пріиски наши находятся въ далекой безлюдной, дикой, непроходимой тайгѣ, что каждый почти владѣлецъ группы пріисковъ долженъ имѣть свои пароходы, да еще и разныхъ типовъ, прокладывать на сотни верстъ въ тайгѣ дороги, что съ дорого стоящей обстановкой разработки розсыпей требуетъ затраты большаго капитала, который въ благопріятнѣйшихъ случаяхъ возможно возвратитъ не ранѣе 3-хъ лѣтъ. Практика установила во всей русской золотопромышленности тотъ, не подлежащій никакому сомнѣнію фактъ, что разрабатывается только развѣ

$\frac{1}{4}$ часть площадей приисковъ, слѣдовательно и существующая поземельная подать уже обременительна для золотого дѣла; при увеличеніи же ея, она уже сдѣлаетъ невозможнымъ занятіе не опредѣленныхъ детальной развѣдкой сосѣднихъ розсыпей, безъ чего крупная золотопромышленность существовать не можетъ. Съ гибелью крупной золотопромышленности останется въ тайгахъ только мелкая—со своими старателями. Таежнаго пароходства не станеть, дороги заглохнутъ, сдѣлавшись не проходимыми, самые прииска примутъ видъ старыхъ китайскихъ безобразныхъ выработокъ. Большая часть золота останется навсегда погребенною подъ беспорядочными отвалами, а тайга опять станеть дикою, непроходимой, будутъ кое гдѣ рыться въ ней отчаянные бродяги, да гнить въ глубокихъ старыхъ шурфахъ не осторожные дикіе звѣри.

Такая не сомнѣнная участь золотого дѣла не можетъ быть желательною ни для кого и при какихъ бы то ни было взглядахъ на него. Несомнѣнно, что въ виду подобныхъ условій циркулирующіе теперь слухи объ увеличеніи поземельнаго налога, вѣроятно и для будущаго останутся одними пустыми слухами.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ (Сборникъ Статистическихъ свѣдѣній о Горнозаводской Промышленности Россіи) въ 1896 году было добыто золота въ Амурской странѣ на 153 приискахъ 491 п. 38 ф. Промыто было песковъ 189,675,720 пудовъ при рабочей командѣ 7,576 человекъ.

Съ разрѣшеніемъ составлять акціонерныя общества, для разработки золотыхъ розсыпей, золотопромышленность потеряла свою замкнутость и сдѣлалась общедоступною для всѣхъ лицъ, желающихъ помѣщать свои денежныя сбереженія въ цѣнныхъ бумагахъ. Это обстоятельство было частію причиной изданія разсказа нашего подъ заглавіемъ «Тайга и золото». Таже общественная польза указываетъ на необходимость высказать наше мнѣніе о прочности и долговѣчии золотого дѣла въ Амурской странѣ. Съ тою же цѣлю приложена карта съ обозначеніемъ «цифрами» группъ, разрабатывающихся золотыхъ приисковъ въ Восточной части Сибири.

Если и вырабатываются мало-по-малу богатѣйшія золотомъ розсыпи, то все-таки нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что затѣмъ уже не найдется въ Амурской тайгѣ розсыпей можетъ быть, еще и болѣе богатыхъ? Въ нашемъ разсказѣ было подробно изложено, съ какими трудно преодолимыми препятствіями сопряжены розыски, — какіе несовершенные первобытные приемы существуютъ для опредѣленія степени богатства розсыпей, — какую, наконецъ, важную роль играетъ въ дѣлѣ открытій приисковъ простая «случайность»; — сопоставивъ все это съ грандіозностію Амурскаго золотоноснаго района, занимающаго не менѣе полутора милліона квадратныхъ верстъ, охраняемыхъ дикою природою тайги, нельзя не сказать, что всѣ высказанныя мнѣнія объ истощенности запасовъ золота въ Амурской странѣ, могутъ рекомендовать только одну смѣлость и развязность въ изреченіи приговоровъ. Последнія от-

крытія новыхъ розсыпей, обстанавливающихся для разработки, могутъ служить лучшимъ подтвержденіемъ справедливости нашего апріорнаго допущенія.

Удешевленіе эксплуатаціи пріисковъ вслѣдствіе увеличенія населенія, развитія культурной жизни въ Сибири и на Амурѣ, введенія въ золотое дѣло болѣе совершенныхъ орудій и машинъ, дозволить съ выгодою разрабатывать пріиска «бѣдные», лежащіе пока втуне; количество же ихъ, вѣроятно, превышаетъ не менѣе чѣмъ въ 10 разъ число розсыпей, признаваемыхъ теперь богатыми. Понятіе же о богатствѣ пріисковъ весьма относительное; такъ, на примѣръ, пріиска съ содержаніемъ менѣе одного золотника считается теперь уже на Амурѣ бѣдными, а на Уралѣ содержаніе въ 100 пуд. песку въ половину золотника считаются богатствомъ! Не тронутое еще почти до настоящаго времени золото въ руслахъ рѣкъ и въ морскихъ прибрежьяхъ съ введеніемъ промывальныхъ грагъ, получившихъ въ Америкѣ въ золотомъ дѣлѣ уже полное право гражданства, откроетъ для эксплуатаціи новые значительные запасы золота; начало же такой добычи сдѣланы В. Ам. К^о.—Все это вмѣстѣ взятое позволяетъ надѣяться, что добыча розсыпнаго золота на Амурѣ еще надолго вполнѣ обезпечена.

Исторія золотопромышленности во всѣхъ странахъ указываетъ на то, что разработка золотыхъ розсыпей всегда вела за собою добычу золота изъ рудныхъ мѣсторожденій или жилъ, залегающихъ въ твердыхъ горныхъ породахъ. Объясняется это явленіе тѣмъ, что выработка содержащаго золото пласта обнаруживала

кварцовыя жилы съ видимымъ въ нихъ золотомъ.— Такъ случилось и въ Амурской странѣ: въ горахъ богатыхъ р.р. Джалинди, Иликана (см. карту цифры 7 и 8) уже заявлено Вер. Ам. К^о до 12 рудниковъ и приступлено къ ихъ развѣдкѣ; то же наблюдается на приискахъ Зейской К^о по тому же Иликану и на Зеѣ (цифры 8 и 9). — Далѣе на Востокъ золотыя мѣсто-рожденія обнаружены въ богатой Ниманской системѣ розсыпей и еще далѣе на Востокъ въ системѣ Амгунскихъ присковъ по р. Семи. (цифры 10 и 11).

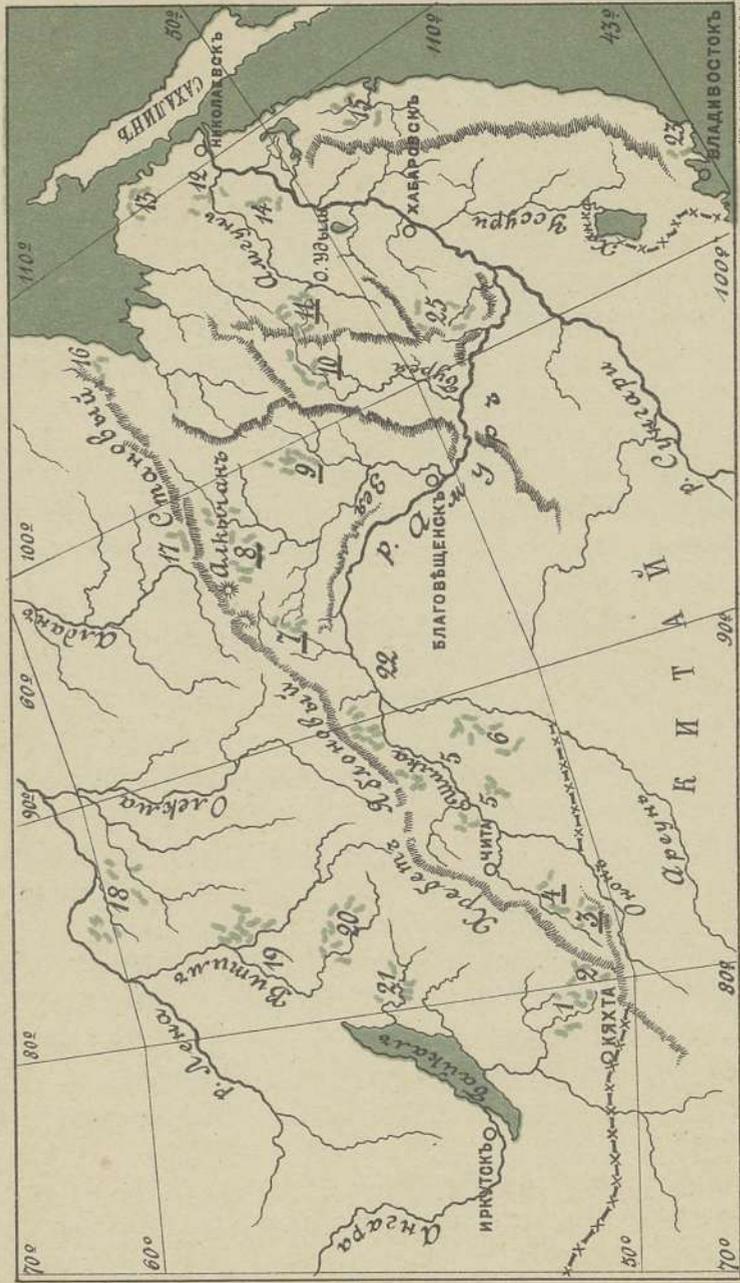
Въ недалекомъ будущемъ возможно ожидать въ этихъ мѣстахъ открытія богатыхъ рудниковъ и тогда уже всякія сомнѣнія въ солидности и прочности запасовъ золота въ Амурской странѣ не будутъ имѣть мѣста, а золотопромышленность Амурская долго еще будетъ приносить пользу мѣстному населенію, сибирской промышленности и Государственной экономіи.

Н. Б. Чаплевскій.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ КАРТА

РАСПОЛОЖЕНИЯ ГРУППЪ ЗОЛОТЫХЪ РОЗСЫПЕЙ.

1. Чикойские пр.
2. Бальжинские Каб.
3. Хангаровские з. пр. и рудники.
4. Ильинские з. рудн.
5. Шилинские пр. Кабин.
6. Аргунские Каб.
7. Джалиндинские з. пр. и руд. В. А. К.
8. Зейские В. Ам. и Зейской К.
9. Селендинские Ср. А. К.
10. Ниманские К.
11. Амунские Амунской К.
12. Левашева и Ельцова.
13. Пр. Теттокова.
14. Удильские Галещаго и К.
15. Роз. Р. З. Акп. О.
16. Охотские Каз.
17. Алданские В. А. К.
18. Олекминские.
19. Нижне-Витимские.
20. Ср. Витимские.
21. В. Витимские.
22. Желтуга Кит.
23. Аскольдские.
24. Сахалинские роз.
25. Хинганские Рубинова.

— Цыфрами обозначены группы приисковъ.

— Подчеркнутыя цыфры означаютъ выходы жиль и золотые рудники.

